

ПЕЧАТЬ ФАУСТА

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Печать Фауста

«Автор»

2026

Ефимова О.

Печать Фауста / О. Ефимова — «Автор», 2026

Анна Штерн, работая в архиве, находит письмо Фауста, в котором упоминается таинственное кольцо. Вскоре в Москве начинают гибнуть коллекционеры — на их телах убийца оставляет символ, совпадающий с печатью на письме. Анна оказывается в центре смертельно опасной игры, связывающей средневековую алхимию, масонские тайны и современных «Хранителей», готовых на всё ради сокрытия правды. На её пути — два мужчины: бескорыстный архивист Дмитрий и харизматичный антиквар Арсений. В погоне за разгадкой она проходит сквозь тайники Москвы, Праги и Вены, но главная истина оказывается не в артефактах, а в памяти, любви и людях, которые остаются с нами вопреки всему.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пыльные фолианты	5
Глава 2. Допрос и первая кровь	12
Глава 3. Ночной визит в Синодальную	18
Глава 4. Больничный коридор и новые вопросы	23
Глава 5. Утро после кошмара	28
Глава 6. Остоженка и призраки прошлого	33
Глава 7. Полночь у памятника	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Ефимова

Печать Фауста

Глава 1. Пыльные фолианты

**Российский государственный архив древних актов, РГАДА,
Москва, Большая Пироговская, октябрь, середина дня**

Свет в читальном зале всегда казался Анне Штерн неестественным — бледно-жёлтым, словно застоявшимся в веках, как и сама бумага, которую она перебирала уже четвёртый час подряд. Лампы под зелёными абажурами отбрасывали на столы овальные круги, внутри которых танцевали микроскопические пылинки, поднятые из фолиантов дыханием бесчисленных исследователей. Анна любила эту пыль. Она пахла плесенью, сухим деревом, чернилами и чем-то неуловимым, что она называла для себя «вкусом времени». Каждый раз, погружая нос в старую рукопись, она чувствовала, как её собственные проблемы — неоплаченный счёт за квартиру, вечная нехватка денег, пустота в личной жизни — отступали на второй план, уступая место голосам тех, кто жил пятьсот лет назад.

Сегодня она работала над каталогом немецких манускриптов XVI века, поступивших в фонд ещё при Екатерине. Задание было рутинным, почти скучным — описать писем второстепенных германских дворян, которые писали о сборе налогов и брачных контрактах. Но Анна не жаловалась. Научный сотрудник с кандидатской степенью и тридцатью годами за плечами, она давно привыкла, что в её профессии редко встречаются сенсации. Сенсации остаются для телевидения. А здесь, в этом тихом убежище, царила правда факта, и Анна была её верной жрицей.

Она перелистнула очередную страницу, покрытую готическим курсивом, и уже собралась записать очередную тривиальную дату, как вдруг пальцы её остановились на плотном листе, который отличался по фактуре от остальных. Бумага была не грубой, ручной выделки, а тонкой, почти прозрачной, с водяными знаками в виде льва. Это не вязалось с казённой перепиской, которую она каталогизировала. Анна нахмурилась, поднесла лупу и стала вчитываться.

Строки были написаны чернилами цвета запёкшейся крови — железо-галловыми, которые с возрастом приобрели этот зловещий оттенок. И язык был не латынью и не верхненемецким, а смесью, в которой чувствовались интонации алхимических трактатов. Она начала переводить с трудом, её сердце забилося чаще:

«Достопочтенному герцогу Вюртембергскому, моему повелителю и покровителю. Я, Иоганн Фауст, доктор богословия и магистр тайных наук, осмеливаюсь сообщить вам о том, что долго хранил в молчании. Кольцо, о котором вы просили меня поведать, существует не как басня для простонародья, а как реальный перстень, откованный из метеоритного железа в день солнечного затмения. Оно дарует не власть над демонами, как толкуют невежды, а власть над стихиями — над огнём, водой, воздухом и землёй — но лишь тому, кто сумеет прочесть семь печатей, выгравированных на его внутренней стороне. Сие знание я получил от учителя из Кракова, который, умирая, завещал мне хранить его до срока. Ныне я чувствую приближение конца и решаю передать кольцо в ваши руки, дабы оно не досталось недостойным...»

Анна перечитала абзац трижды. Фауст? Тот самый Фауст — легендарный чернокнижник, продавший душу дьяволу, герой народных книг и трагедий Гёте? Историки давно пришли к выводу, что реальный Иоганн Фауст — если он вообще существовал — был шарлатаном-алхимиком, путешествовавшим по Германии в начале XVI века. Но ни одно документальное свидетельство не подтверждало его связи с каким-либо артефактом, тем более с кольцом. Письмо,

которое держала Анна, выглядело подлинным: почерк, бумага, печать — всё это было безупречно для эпохи. Она проверила дату: 1532 год. Это на тридцать лет раньше первых упоминаний о Фаусте в печатных книгах.

— Этого не может быть, — прошептала Анна, и голос её прозвучал в тишине читального зала слишком громко.

Она оглянулась. Никто не обратил внимания. В углу дремал старый профессор из РАН, уткнувшись носом в микрофильм. За соседним столом студентка в очках переписывала что-то из синодика, не поднимая головы. Анна выдохнула, достала планшет и начала фотографировать каждую страницу. Ей нужно было зафиксировать находку до того, как у неё потребуют объяснений.

Но когда она добралась до конца письма, её взгляд упал на подпись. Там стояла не просто витиеватая буква «Ф» — рядом был оттиск гербовой печати, красный воск, потрескавшийся от времени, но всё ещё читаемый. В центре её был изображён круг, внутри которого покоилась перевёрнутая пентаграмма — звезда, направленная одним лучом вниз, а не вверх. Такой символ Анна никогда не видела в европейской геральдике, но он показался ей зловеще знакомым. Она перевернула лист, на обороте стояла пометка архаичным почерком: «*Ex libris baronis von Ungern, 1605*». Коллекция барона фон Унгерна.

Анна замерла. Фон Унгern — известный род остзейских рыцарей, которые в XVII веке переселились в Россию и оставили след в истории как коллекционеры редкостей. Их архивы считались утерянными после революции. Но вот они, прямо здесь, в каталоге, приклеенные к документам второстепенных герцогов. Кто-то, вероятно, в XIX веке переплел их случайно или намеренно, не придав значения. Но это письмо, если оно подлинно, переворачивало всё представление о Фаусте. Это была не легенда, а реальный заказ на изготовление магического перстня.

Анна потёрла переносицу, чувствуя, как в голове начинает звенеть. Она должна была поделиться этой находкой, но с кем? С заведующей отделом Валентиной Петровной, которая считала все оккультные исследования лженаукой? Или с коллегами, которые тут же обвинят её в подлоге? Нет, сначала нужно проверить всё самой. Она аккуратно отложила письмо в сторону и принялась рыться в других бумагах той же папки, надеясь найти подтверждение.

Через полчаса она нашла ещё несколько листов, где упоминался «перстень Фауста», и каждый раз его называли «проклятым», «ложным» или «фальшивым». В одном из писем, написанных секретарём герцога, говорилось: «Кольцо, кое мастер Фауст прислал, оказалось медным, без всякой силы, и мы разгневались. Но барон Унгern, узнав о сем, выкупил его за триста гульденов и увёз в свои земли, дабы скрыть позор». Анна почувствовала холодок. Значит, кольцо было подделкой, фальшивкой, которую Фауст создал, чтобы обмануть герцога, но барон Унгern, возможно, знал его настоящую ценность. Или сам был обманут. Но почему он вложил столько денег?

Она настолько углубилась в перевод, что не заметила, как в зал вошёл новый посетитель. Шаги раздались совсем рядом, и она вздрогнула, когда над ней нависла тень.

— Извините, — произнёс тихий, неуверенный мужской голос. — Вы не могли бы помочь мне с переводом латинской надписи? Я вижу, вы работаете с немецкими документами, но в этом гербе есть латынь, а я... я её почти забыл.

Анна подняла глаза. Перед ней стоял мужчина лет тридцати пяти, с небрежно зачёсанными русыми волосами, в очках с толстыми стёклами, которые постоянно сползали на кончик носа. Он был одет в поношенный свитер и серые брюки, на плече висела старая кожаная сумка, из которой торчали какие-то свёртки. Выглядел он застенчиво, почти испуганно, и его покрасневшие уши выдавали сильное внутреннее напряжение. Он держал в руках потрёпанный фолиант и показывал на гравюру, изображавшую рыцарский герб с девизом.

— Конечно, — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё бурлило от открытия. — Давайте посмотрим.

Она взяла фолиант, пробежалась глазами по витиеватым буквам.

— Здесь написано: «*Fides, non aurum*» — «Вера, не золото». Но это не совсем латынь, это скорее вульгарная смесь с немецкими вкраплениями. Скорее всего, герб какого-нибудь баварского рода XVII века.

— Ах, — мужчина облегчённо выдохнул. — Спасибо вам огромное. Я думал, это какая-то магическая формула, а это всего лишь банальный девиз. Я уже начал сомневаться в своей квалификации. Меня, кстати, зовут Дмитрий Орлов, я архивист здесь, в отделе геральдики. Но честно скажу — я больше по цифрам, чем по языкам.

Он протянул руку, и Анна пожала её. Рука была тёплой, пальцы длинные и чуть дрожащие. Она улыбнулась:

— Анна Штерн. Я из Института всеобщей истории, прикомандирована для каталогизации немецких писем.

— Знаю, — сказал Дмитрий, и тут же покраснел ещё больше. — Я видел ваш пропуск. Извините, это прозвучало как слезка. Просто я здесь всех знаю, а вы новенькая. — Он замаялся, потом добавил: — Вы так увлечённо работали... я не хотел отвлекать.

— Всё нормально, — ответила Анна, чувствуя, что этот нескладный архивист вызывает у неё симпатию. — Я как раз нашла кое-что любопытное. — Она замолчала, раздумывая, стоит ли ему рассказывать, но интуиция подсказывала, что он не проболтается. — Письмо, в котором упоминается Фауст. Знаете, тот самый чернокнижник?

Дмитрий округлил глаза.

— Реальный Фауст? Вы шутите. Я думал, это миф, как доктор Мендель из еврейских легенд.

— Именно так я и думала, — сказала Анна, открывая перед ним письмо. — Посмотрите на подпись. И на печать. Это Унгерн.

Дмитрий нагнулся, поправил очки, которые снова сползли, и долго вглядывался в восковую печать. Его лицо стало серьёзным.

— Унгерн... это же те самые бароны, которые собирали оккультные раритеты. У них был свой музей в Риге, но после революции всё бесследно исчезло. Если это письмо подлинное, то оно может пролить свет на одну из самых тёмных страниц их коллекции.

— Вы знаете об Унгернах? — удивилась Анна.

— Немного, — ответил Дмитрий, и в его голосе появилась уверенность, которой он не проявлял раньше. — Я как раз изучаю геральдику прибалтийских дворянских родов. У них была очень интересная символика — сочетание крестов, пентаграмм и египетских знаков. Бароны Унгерны увлекались алхимией, в отличие от большинства остзейцев, которые были лютеранами. Ходят слухи, что они владели неким проклятым перстнем, но я считал это выдумкой.

— А теперь выходит, что не выдумка, — сказала Анна, чувствуя, как внутри разгорается пламя азарта. — Послушайте, Дмитрий, я хочу проверить все документы этой папки. Вы не можете мне с доступом в закрытый отдел? Я слышала, что фонды Унгернов частично осели в РГАДА, но они засекречены до 2025 года.

Дмитрий смутился, потёр затылок.

— Ну... я могу попросить разрешения, но формально я не имею права туда пускать посторонних. Однако если мы будем работать вместе, и я оформлю это как консультацию с вашим институтом... — Он замаялся, потом набрался смелости: — Я даже могу показать вам некоторые копии, которые у меня есть. У меня личная коллекция микрофильмов по Унгернам. Если хотите, можем встретиться за ужином и обсудить.

— За ужином? — переспросила Анна, слегка удивлённая таким прямолинейным для него предложением.

— Я имел в виду в кафе, — быстро поправился Дмитрий, покраснев до корней волос. — В столовой на первом этаже. Там есть хорошие пирожки. Я просто подумал, что в неформальной обстановке... легче обсуждать. Но если вам неудобно, мы можем здесь.

Она рассмеялась, впервые за день, почувствовав тепло.

— Давайте в кафе, — сказала она. — Только я сначала закончу с этими листами. Мне нужно переписать ещё несколько абзацев.

— Конечно, я подожду, — сказал Дмитрий и снова замялся, не зная, куда себя деть. Он отошёл к своему столу, который находился всего в нескольких метрах, и сел, периодически бросая на неё робкие взгляды.

Анна вернулась к письму, но теперь она смотрела на него другими глазами. Всё, что она читала раньше, было скучной перепиской второстепенных чиновников, а здесь — настоящая головоломка, заброшенная в XXI век из эпохи Возрождения. Она вспомнила свою диссертацию, которую писала о суевериях раннего Нового времени. Тогда она нашла множество упоминаний о кольцах-оберегах, но никогда не встречала прямого свидетельства существования «кольца Фауста». Если это письмо станет достоянием науки, это будет сенсация, которая прославит её имя на годы вперёд. Но она понимала, что одной находки недостаточно — нужно доказать подлинность, найти сам перстень или хотя бы его изображения, сопоставить с другими документами. И она подумала о коллекционере Сергее Мальцеве, о котором ей рассказывала подруга-антиквар. У Мальцева была частная коллекция старинных украшений, и, по слухам, он недавно приобрёл перстень с перевёрнутой пентаграммой. Совпадение? Вряд ли.

Анна записала в блокнот адрес Мальцева, который она сохранила из старого письма подруги, и решила позвонить ему сегодня же. Она посмотрела на часы: было уже половина четвёртого. До закрытия архива оставался час. Она быстро перепечатала оставшиеся абзацы, убрала папку в ящик, который был закреплён за ней, и подошла к Дмитрию.

— Я готова, — сказала она. — Пойдём в кафе, но только на полчаса. У меня ещё дела в городе.

Дмитрий вскочил, чуть не уронив стопку книг.

— Да-да, конечно. Пойдёмте.

Они спустились в архивное кафе, которое больше походило на студенческую столовую — деревянные столы, пластмассовые стулья, запах котлет и гречки. Они взяли по чаю и пирожку с капустой, и Анна, недолго думая, рассказала Дмитрию всё, что нашла. Он слушал с открытым ртом, забывая пить чай.

— Это невероятно, — проговорил он, когда она закончила. — Но послушайте, Анна, это опасно. Если письмо действительно связано с Унгернами, то там могут быть и другие документы, которые кто-то очень хотел спрятать. У меня есть копия каталога 1916 года, где упоминаются «тридцать семь шкатулок с герметическими символами» из коллекции Унгерна. Они попали в советские спецхраны и до сих пор числятся в закрытом списке. Если вы начнёте копать слишком глубоко, вы можете навлечь неприятности.

— Какие неприятности? — насторожилась Анна. — Вы думаете, там что-то незаконное?

— Нет, — быстро ответил Дмитрий. — Но в нашем деле есть такая вещь, как «неудобные факты». Некоторые вещи хранятся в тайне не оттого, что они опасны, а оттого, что они могут подорвать чей-то авторитет. Или чьи-то продажи на чёрном рынке. Я слышал, что на Унгернах наживаются многие антиквары, и они не любят, когда в их дела лезут учёные.

Анна задумалась. Она знала, что подпольный рынок старинных предметов в Москве процветает, но она не думала, что её любительский интерес может кому-то помешать.

— Я не собираюсь продавать что-либо, — сказала она твёрдо. — Я хочу опубликовать статью в рецензируемом журнале, и всё. Никаких коммерческих интересов.

— Я верю вам, — сказал Дмитрий, и в его глазах появилась нежность. — Я потому и согласился помочь. Вы выглядите как человек, который ищет правду, а не наживу. Таких, к сожалению, мало.

Они допили чай, и Дмитрий предложил завтра принести ей свои микрофильмы по Унгернам. Анна поблагодарила, и они расстались у выхода из архива, обменявшись номерами телефонов. Когда он ушёл, Анна почувствовала странное тепло на душе. Этот неуклюжий архивист, с его очками и заикающейся речью, казался ей надёжным и честным. Она почти пожалела, что у неё такие срочные дела.

Дела — это встреча с коллекционером Мальцевым. Она достала телефон и набрала номер, который значился в её записной книжке. Через несколько гудков ответил мужской голос.

— Сергей Петрович? Здравствуйте, меня зовут Анна Штерн, я палеограф из Института всеобщей истории. Моя подруга Елена Васильева дала мне ваш контакт. Вы не могли бы уделить мне пятнадцать минут сегодня? Я хотела бы посмотреть один перстень из вашей коллекции, с перевёрнутой пентаграммой.

В трубке повисла пауза. Затем послышалось недовольное кряхтение.

— Анна... я не очень люблю посторонних в своей коллекции. Но если вы от Елены, то, так и быть, приезжайте. Я сейчас на Арбате. Улица Староконюшенный, дом двенадцать, квартира три. Через час у меня обед, так что у вас будет полчаса. Приходите.

— Спасибо, я буду, — сказала Анна и повесила трубку.

Ей стало не по себе оттого, с какой неохотой согласился Мальцев. Обычно коллекционеры рады показать свои сокровища учёным, особенно если есть шанс, что их предмет попадёт в каталог. Но этот казался раздражённым. Может, он что-то скрывает?

Она взяла такси до Арбата. Осенний московский вечер уже наливал темноту, фонари зажигались один за другим, отражаясь в мокром асфальте после недавнего дождя. Анна сидела на заднем сиденье, глядя в окно, и прокручивала в голове найденное письмо. Всё складывалось как-то слишком логично: письмо Фауста, печать Унгерна, теперь — перстень у коллекционера. Словно кто-то расставил ориентиры на её пути. И это пугало. В её опыте такие идеальные совпадения часто оказывались ловушками, подставами или, по крайней мере, ошибками атрибуции.

Машина остановилась у старого трёхэтажного дома с лепниной, типичного для этого района. Анна расплатилась и вошла в подъезд. Лифта не было, пришлось подниматься пешком на третий этаж. Лестница пахла кошками и сыростью. Квартира три находилась в конце коридора, дверь была массивной, со старой бронзовой ручкой. Анна позвонила. Никто не открыл. Она позвонила ещё раз — тишина.

— Странно, — пробормотала она, доставая телефон, чтобы перезвонить Мальцеву. Но в этот момент она заметила, что дверь приоткрыта — буквально на несколько сантиметров, так что сквозь щель виднелась тёмная прихожая.

Её пульс участился. Сердце забило быстро, в ушах зашумела кровь. Она осторожно толкнула дверь, и она легко поддалась, открываясь в полумрак. Изнутри доносился странный запах — металлический, смешанный с лаком и чем-то сладковатым, что она не могла распознать.

— Сергей Петрович? — позвала она тихо, но голос дрогнул.

В ответ — ни звука. Только тиканье старых напольных часов, доносившееся из глубины квартиры. Анна шагнула через порог, нащупала выключатель на стене, щёлкнула. Свет загорелся, и она ахнула.

Гостиная была разгромлена — разбитые витрины, осколки стекла на паркете, опрокинутые стулья. На полу, раскинув руки, лежал мужчина в домашнем халате. Его горло было перерезано с такой силой, что голова почти отделилась от тела. Кровь растеклась лужей, уже

начинавшей темнеть и засыхать. На лбу убитого, поверх открытых остекленевших глаз, был вырезан аккуратный символ — круг, а внутри него перевёрнутая пентаграмма. Точь-в-точь как на печати Унгерна.

Анна не успела вскрикнуть. Рот её открылся, но звук застрял в горле. Она отшатнулась, наткнулась спиной на дверной косяк и застыла, глядя на тело. Её трясло. Руки похолодели, в животе всё сжалось. Она знала, что нужно вызвать полицию, но мозг отказывался работать. Она смотрела на пентаграмму, на эту зловещую звезду, которая всего час назад казалась ей всего лишь гербовой печатью, и понимала, что теперь она в центре чего-то гораздо более страшного, чем просто научная загадка.

И тут она услышала шаги. Где-то в глубине квартиры, за закрытой дверью, раздался скрип половиц. Кто-то был здесь. Кто-то не ушёл. Кто-то знал, что она придёт.

Анна сделала шаг назад, к выходу, но ноги её не слушались. Она судорожно пыталась нащупать ручку входной двери, но та оказалась за спиной, а она боялась оторвать взгляд от той двери, из которой доносились шаги.

Шаги приближались. Глухие, тяжёлые, уверенные.

Анна закусила губу, чтобы не закричать. Она знала: если она сейчас не сбежит, она станет следующей. Но её тело словно вросло в пол. Перед глазами всё плыло, и единственное, что она могла сделать, — это, собрав последние силы, рвануть к выходу, вылететь в коридор и захлопнуть за собой дверь, не оглядываясь.

Она побежала. Ступени грохотали под её ногами, она спускалась, перепрыгивая через две ступеньки, и молилась, чтобы тот, кто был в квартире, не преследовал её. Когда она выскочила на улицу, холодный ветер ударил в лицо, и она, наконец, смогла сделать полный вдох. Она прислонилась к стене дома, дрожащей рукой достала телефон и набрала 112.

— Полиция? — выдавила она, едва сдерживая слёзы. — На Староконюшенном, двенадцать, квартира три... убийство... там кто-то есть... — Слова путались, сбивались. Оператор что-то спрашивал, но Анна почти не слышала.

Она смотрела на окна третьего этажа. В одном из них, задернутом шторами, мелькнула тень. Кто-то стоял там и смотрел на неё сверху. Анна вздрогнула, и, несмотря на страх, она заметила, что тень замерла на мгновение, а затем медленно, словно издеваясь, подняла руку и... помахала ей.

Анна не выдержала. Она развернулась и побежала прочь, не разбирая дороги, просто чтобы оказаться дальше от этого дома. За спиной завывала сирена, но она не останавливалась, пока не выбежала на Новый Арбат, смешавшись с толпой прохожих.

Только тогда она остановилась, согнулась пополам, опершись о лавочку, и её вырвало. Слёзы смешались с холодным потом, она подняла голову и увидела, как к тому дому подъезжают полицейские машины с мигалками.

Она должна была вернуться. Она свидетель, она знает, что видела там. Но рука, помахавшая ей из окна, всё ещё стояла у неё перед глазами. Кто-то знал, что она придёт. Кто-то ждал её. И этот кто-то оставил ей знак — пентаграмму на лбу убитого.

Анна схватилась за телефон, чтобы позвонить Дмитрию, но потом поняла: если она втянет его, он тоже окажется в опасности. Она должна справиться сама. По крайней мере, сначала она должна сказать полиции правду — и ни слова о письме Фауста.

Потому что она чувствовала: именно это письмо, эта печать, эта находка в архиве и есть причина смерти Мальцева. И тот, кто убил, уже знает о ней. И теперь он придёт за ней.

Анна сжала кулаки и медленно побрела обратно к месту преступления, дрожа от холода и страха. Но в глубине души в ней закипала злость — злость на того, кто посмел использовать её науку для убийства. Она дала себе слово: она найдёт этого человека. Даже если это будет стоить ей жизни.

Но сначала — допрос у следователя. Она видела, как из подъезда выходит человек в штатском, и его взгляд уже направлен на неё. Он явно её заметил.

— Девушка, вы вызывали полицию? — спросил он, подходя ближе.

Анна кивнула, её голос, наконец, обрёл твёрдость.

— Да. Я Анна Штерн. И я знаю, кто мог это сделать. Но сначала, — она посмотрела на тёмное окно третьего этажа, где тень уже исчезла, — сначала я расскажу вам, что я нашла сегодня в архиве. И вы поймёте, почему этот человек мёртв.

Следователь нахмурился, но сделал знак коллегам, чтобы они пропустили её в машину. И когда она садилась в служебный автомобиль, она заметила, что в её сумке, которую она бросила на заднем сиденье, лежит записка, сложенная вчетверо, — та, которой там не было, когда она выходила из архива.

Она развернула её дрожащими руками. Там было написано всего одно предложение, выведенное аккуратным, но решительным почерком:

«Ты искала правду — ты нашла смерть. Верни письмо, или следующая печать будет на твоём лбу».

Анна застыла, сжимая бумагу. Она не заметила, как кто-то положил её в сумку — ни в архиве, ни на лестнице, ни в такси. Значит, её уже давно держат на прицеле. Или, что ещё страшнее, среди её окружения есть чужой.

Она медленно подняла глаза на следователя, который смотрел на неё с подозрением, и прошептала:

— Мне нужна защита. Он знает, где я живу. Он знает всё.

Следователь не ответил. Он лишь захлопнул дверцу машины, и они отъехали от зловещего дома. Анна закрыла глаза, чувствуя, как письмо жжёт ей руку, и понимая, что это только начало. Игра началась, и ставка — её жизнь.

Глава 2. Допрос и первая кровь

Отдел полиции по Центральному административному округу, Москва, октябрь, вечер

Анна сидела на жёстком стуле в кабинете, который больше походил на склад старых бумаг, чем на рабочее место следователя. Стены были заставлены шкафами с папками, на столе громоздились горы дел, а единственным украшением служил портрет президента на стене, слегка перекошенный. За столом напротив неё расположился мужчина лет сорока пяти — плотный, с короткой стрижкой, пронизательными серыми глазами и сеткой морщин вокруг них, говорившей о многолетнем недосыпе и постоянном напряжении. Это был следователь Олег Волков, и его взгляд, направленный на Анну, не обещал ничего хорошего.

— Значит, вы пришли к Мальцеву, чтобы посмотреть перстень, — произнёс он медленно, растягивая слова, как будто пробовал их на вкус. — А дверь была открыта. Вы вошли, увидели тело, вызвали полицию и побежали вниз, потому что услышали шаги. И всё это за десять минут до нашего прибытия. Правильно?

Анна кивнула, сжимая в руках бумажный стаканчик с остывшим чаем, который ей дали дежурные. Она всё ещё дрожала — не столько от холода, сколько от шока. Образ перерезанного горла Мальцева стоял перед глазами, а запах крови, казалось, вьёлся в одежду.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я уже всё рассказала. Я пришла по предварительной договорённости. У меня нет никакого отношения к его смерти.

Волков хмыкнул, открыл папку и вытащил оттуда пластиковый пакет с маленькой записной книжкой, перепачканной кровью. Через прозрачную плёнку Анна увидела свой номер телефона и имя, записанные аккуратным почерком Мальцева, а рядом стояло время — 18:00, сегодняшняя дата.

— Ваша визитка, — сказал Волков. — Оказывается, вы были последним человеком, с которым он собирался встретиться. И вы пришли — и нашли его мёртвым. Понимаете, как это выглядит?

Анна почувствовала, как внутри закипает гнев пополам с отчаянием.

— Я не убивала его! — воскликнула она, чуть не уронив стаканчик. — Я палеограф, я учёный, у меня нет ни мотива, ни оружия. Кто-то был в квартире, я слышала шаги! Вы что, не проверили?

— Проверили, — спокойно ответил Волков, не повышая голоса. — Никого не нашли. Соседи ничего не слышали. Единственная, кто была в подъезде в то время, — это вы, по словам консьержки. Она видела, как вы вошли, а потом выбежали через пять минут. Так что пока вы — единственная зацепка.

Анна открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Она поняла, что попала в западню. Если убийца действительно был там, он мог уйти через чёрный ход или по пожарной лестнице, пока она вызывала полицию. А она осталась единственной свидетельницей, и её показания против пустого помещения — это слабое доказательство.

— Послушайте, — сказала она, собравшись. — У меня есть объяснение. Я сегодня в архиве нашла старинное письмо, где упоминается кольцо Фауста и печать баронов Унгерна. Такая же печать была вырезана на лбу Мальцева. Я пришла к нему именно потому, что слышала, что у него есть перстень с похожим символом. Это не совпадение. Кто-то убивает коллекционеров, связанных с этой печатью.

Волков поднял брови. Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе, изучая её с новым интересом.

— Кольцо Фауста? — переспросил он с явной иронией. — Вы хотите сказать, что у нас в Москве орудует маньяк, который охотится за чернокнижными артефактами? Это не детективный роман, Анна Сергеевна. Это реальное убийство.

— Я знаю, что это звучит безумно, — упрямо сказала Анна. — Но я могу показать вам копии документов. Я работала над каталогом немецких манускриптов и наткнулась на письмо Фауста герцогу Вюртембергскому. Там говорится о перстне, и на письме стоит печать Унгерна — та же самая, что вы видели на теле. Я уверена, что убийца связан с этими документами.

Волков помолчал, затем резко встал и подошёл к окну, глядя на вечернюю Москву.

— Допустим, — сказал он, не оборачиваясь. — Но даже если так, это не снимает с вас подозрений. Вы нашли письмо, вы знали о печати, вы пришли к Мальцеву именно в тот день, когда его убили. Слишком много совпадений, не находите?

— Я сама это понимаю, — ответила Анна. — Поэтому я готова сотрудничать. У меня есть коллега, Дмитрий Орлов, архивист из РГАДА, он тоже видел эти документы. Он может подтвердить, что я занимаюсь этим исследованием уже не первый день и что у меня нет никаких преступных намерений.

— Мы проверим, — буркнул Волков. — А пока я рекомендую вам не покидать Москву и быть на связи. У вас есть, где остановиться?

— У меня есть квартира, — сказала Анна, чувствуя, что допрос подходит к концу, и она может выдохнуть. — Но я боюсь, что убийца может знать мой адрес. Он оставил записку в моей сумке.

Она протянула следователю сложенный листок, который держала в кармане. Волков взял его пинцетом, прочитал, нахмурился.

— Это серьёзно, — произнёс он. — Если он угрожает вам, мы можем предоставить охрану, но ресурсов у нас немного. Скорее всего, это просто пугалка. Но вы будьте осторожны, не ходите в одиночестве по тёмным переулкам.

Анна горько усмехнулась. «Пугалка» — это когда тебе пишут анонимные сообщения в интернете, а не когда оставляют записку в сумке, которую ты носила при себе весь день.

— Я понимаю, — сказала она. — Можно мне идти?

Волков кивнул, и Анна поднялась, чувствуя, как ноги онемели от долгого сидения. Она направилась к двери, но на пороге обернулась:

— Скажите, а вы нашли у Мальцева перстень с пентаграммой? Он должен быть в коллекции.

Волков покачал головой.

— Нет. Никакого перстня. Никаких ценных украшений вообще. Всё, что было в витринах, разбито и разбросано, но ничего не пропало, кроме одного пустого футляра. Может, он уже продал его, а может, убийца забрал. Мы проверяем.

Анна вышла из кабинета, и в коридоре её чуть не сбил с ног запыхавшийся Дмитрий. Он стоял, опираясь о стену, с растрёпанными волосами и испуганными глазами. Увидев её, он рванул вперёд и схватил её за плечи.

— Анна! Слава богу, с тобой всё в порядке? Мне позвонили из архива, сказали, что тебя увезли в полицию, я сразу приехал. Что случилось?

Анна на мгновение прижалась к нему, чувствуя, как его руки дрожат. Она вдруг осознала, как сильно устала и как ей нужна поддержка. Но она взяла себя в руки и отстранилась.

— Я нашла Мальцева мёртвым, — выдохнула она. — Его убили, и на лбу была та же печать, что на письме Фауста. Кто-то охотится за коллекционерами, связанными с Унгернами. И я следующая.

Дмитрий побледнел так сильно, что его очки почти упали с носа.

— Это... это невозможно. Только сегодня мы говорили о письме, и вот уже убийство. Ты уверена, что это связано?

— Более чем, — ответила Анна. — Пойдём, я всё расскажу по дороге. Мне нужно вернуться домой, но я боюсь, что там меня может ждать что-то ещё.

Они вышли из участка на холодный вечерний воздух. Небо затянули тучи, начал накрапывать мелкий дождь. Дмитрий взял её под руку и повёл к своей старой «Ладе», припаркованной неподалёку.

— Садись, я отвезу тебя, — сказал он. — Никуда ты одна не поедешь.

В машине Анна подробно рассказала ему всё, что произошло: как она зашла в квартиру, как увидела тело, как услышала шаги и как убежала. Она умолчала только о записке, которую нашла в сумке, — не хотела пугать его ещё больше. Но Дмитрий, казалось, читал её мысли.

— Ты что-то недоговариваешь, — сказал он, поворачивая на Тверскую. — Я вижу по твоим глазам. Что ещё произошло?

Анна вздохнула и достала из кармана ту самую записку, предварительно положив её в чистый пакетик, который взяла в полиции.

— Вот, — сказала она, протягивая ему. — Я нашла это в своей сумке после того, как выбежала из квартиры. Я не знаю, когда и как это туда попало.

Дмитрий прочитал, и его лицо стало каменным. Он сжал руль так, что побелели костяшки.

— Это не просто угроза, — сказал он тихо. — Это означает, что убийца был рядом с тобой весь день. Он мог быть в архиве, мог сидеть рядом с тобой за столом, мог подложить это письмо, пока ты отвлеклась. Анна, нам нужно быть очень осторожными. Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось.

— Ты не можешь меня охранять круглосуточно, — возразила Анна, но в голосе не было уверенности. — У тебя работа, у меня работа. К тому же полиция ничего не хочет делать, они считают меня главной подозреваемой.

— Плевать на полицию, — сказал Дмитрий с неожиданной твёрдостью. — Я сегодня же перевезу тебя к себе. У меня квартира с двумя замками и хорошая дверь. А завтра мы вместе пойдём в архив и попробуем найти что-то, что поможет опередить убийцу.

Анна хотела возразить, но слова застряли в горле. Она посмотрела на его профиль, на его решительные глаза, которые так резко контрастировали с его обычной застенчивостью, и почувствовала благодарность, смешанную с тревогой.

— Ладно, — согласилась она. — Но только на одну ночь. Завтра я решу, что делать дальше.

Они подъехали к дому Анны, который находился в старом районе за Садовым кольцом. Дмитрий припарковался, и они поднялись на лифте на пятый этаж. Квартира была маленькой, но уютной, заставленной книгами и рабочими материалами. Анна открыла дверь, и первое, что она увидела, — это беспорядок. Ящики стола были выдвинуты, бумаги разбросаны, подушка на диване лежала на полу. Кто-то рылся в её вещах.

— Чёрт, — выдохнула Анна, остановившись на пороге. — Он был здесь.

Дмитрий заглянул ей за спину и выругался сквозь зубы. Он аккуратно обошёл её, заглянул в спальню, в ванную, на кухню. Никого не было.

— Всё чисто, — сказал он, возвращаясь. — Но он что-то искал. Наверное, те самые документы, которые ты нашла в архиве. Ты их принесла домой?

— Нет, — ответила Анна, стараясь успокоиться. — Я оставила копии в сейфе в институте, а оригиналы — в архиве. Но здесь у меня есть мои рабочие записи, черновики статьи. Он мог их просмотреть.

Она прошла к столу и начала перебирать бумаги. Ничего не пропало, но порядок был нарушен. И на самом видном месте, на мониторе её компьютера, лежал ещё один листок, сложенный в виде конверта. На нём было написано всего одно слово: «Остановись».

Анна схватила листок и прочитала вслух. Дмитрий подошёл ближе, заглянул через плечо.

— Это уже третья угроза за сегодня, — сказал он. — Мы должны позвонить в полицию.

— Они ничего не сделают, — ответила Анна. — У них нет улик, они не знают, кто это. Пока мы не найдём убийцу, мы будем в опасности. Но я не собираюсь останавливаться. Если я остановлюсь, он победит.

Дмитрий взял её за руку, и она почувствовала его тепло.

— Тогда мы будем действовать вместе, — сказал он. — Сейчас ты соберёшь вещи и поедешь ко мне. А завтра с утра мы пойдём в архив и попробуем найти что-то, что укажет на личность убийцы. Может быть, у тебя есть идеи?

Анна задумалась. Она вспомнила письмо, дневник секретаря Мартина Маслова, упоминание о том, что кольцо было передано потомкам. И ещё она вспомнила, что в записях Мальцева, которые она видела у него в приёмной, было упоминание о каком-то архивариусе по фамилии Маслов. Она не придавала этому значения, но теперь это казалось важным.

— Дмитрий, — сказала она, — ты знаешь кого-нибудь по фамилии Маслов, работающего с церковными архивами? У меня было такое ощущение, что Мальцев с ним встречался.

Дмитрий нахмурился, припоминая.

— Маслов... Маслов... Есть один сотрудник в Синодальной библиотеке, кажется, Григорий Маслов. Он занимается древними рукописями, но он очень замкнутый, почти ни с кем не общается. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что в письме Фауста упоминается, что секретарь Унгерна — Мартин Маслов — был посвящён в тайну кольца. А если у него есть потомки, и они до сих пор живут в Москве, то они могут быть теми, кто охотится за артефактами. Или, наоборот, теми, кто защищает их от посторонних.

Дмитрий задумался, затем кивнул.

— Завтра я попробую получить доступ к личному делу Григория Маслова в библиотеке. Но сейчас давай собираться. Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь ни минуты.

Анна быстро собрала рюкзак с ноутбуком, флешками, книгами и сменной одеждой. Она оглянулась на свою квартиру, в которой жила последние пять лет, и почувствовала горечь. Её дом, её безопасное убежище, теперь казался чужим и враждебным. Она ещё раз проверила, не забыла ли что-то, и они вышли, заперев дверь на все замки.

Когда они спустились во двор, дождь усилился. Анна залезла в машину и, пока Дмитрий заводил двигатель, посмотрела на тёмные окна своей квартиры. Ей показалось, что за одним из них мелькнул силуэт. Но это могло быть отражение фонаря или игра воображения.

Она вздохнула и отвернулась.

— Поехали, — сказала она.

Дорога до дома Дмитрия заняла около двадцати минут. Он жил в спальном районе, на юго-западе, в панельной девятиэтажке. Квартира оказалась скромной, но чистой, с огромными книжными стеллажами, которые занимали всю гостиную. Здесь пахло бумагой и кофе — уютный запах учёного.

— Проходи, располагайся, — сказал он, показывая на диван-кровать. — Я постелю тебе чистую простыню. Можешь принять душ, я дам тебе полотенце.

Анна благодарно улыбнулась, чувствуя, как усталость наваливается на неё с новой силой. Она разобрала вещи, приняла душ и вышла в халате, который ей дал Дмитрий. Он уже приготовил чай и сидел за столом, листая какие-то бумаги.

— Ты вся дрожишь, — заметил он, пододвигая к ней чашку. — Выпей, это успокаивает. Я добавил мёд.

Она села напротив него и сделала глоток. Тёплая жидкость разлилась по телу, и она на мгновение почувствовала себя в безопасности. Но мысли о сегодняшнем дне не отпускали.

— Дмитрий, — сказала она тихо, — я боюсь, что завтра будет ещё хуже. Этот человек не остановится. Если он убил Мальцева, значит, он убьёт любого, кто встанет на его пути. И он знает, что мы нашли письмо. Он будет следить за нами.

— Пусть следит, — ответил Дмитрий с неожиданной твёрдостью. — Мы тоже начнём следить за ним. Завтра я попробую раздобыть информацию о Григории Маслове. А ты пока подумай: может, в письме есть какие-то намёки, которые мы пропустили. Какая-то подсказка, где находится настоящее кольцо или кто его носит.

Анна задумалась. Она вспомнила, что в конце письма Фауст писал что-то вроде: *«Перстень не в золоте, а в знании. Истинный хранитель не тот, кто владеет им, а тот, кто понимает его смысл»*. Тогда она сочла это риторической фигурой, но теперь слова приобретали новый смысл. Может быть, кольцо — это метафора, а настоящий клад — это информация? Или, может быть, оно действительно существует, но его охраняет некая организация?

Она поделилась своими мыслями с Дмитрием. Он внимательно слушал, кивая.

— Это важно, — сказал он. — Если убийца — потомок Маслова, он может считать себя «истинным хранителем». Тогда его цель — не допустить, чтобы тайна попала в чужие руки. Он убивает коллекционеров, потому что они пытаются продать или выставить напоказ то, что он считает священным.

— Но это же абсурд! — воскликнула Анна. — Кольцо — это всего лишь исторический артефакт, подделка, к тому же. Нет никакой магии, и даже если есть, это не повод убивать людей!

— Для фанатика это повод, — спокойно ответил Дмитрий. — Ты же знаешь историю религии. Люди убивали за меньшие провинности. Здесь же целая династия, которая веками хранила какую-то тайну, передавая её из поколения в поколение. А тут появляешься ты, учёный, который хочет всё это опубликовать, развенчать миф. Для него ты — враг.

Анна замолчала, переваривая сказанное. Она понимала, что Дмитрий прав. Это не был случайный маньяк. Это был человек с идеологией, с миссией. И если они хотят его остановить, они должны понять его мотивы и его логику.

— Тогда завтра мы едем в Синодальную библиотеку, — сказала она решительно. — Я хочу поговорить с Григорием Масловым. Если он тот самый, я хочу увидеть его лицо, услышать его голос. Может быть, я смогу его переубедить.

— Это опасно, — предупредил Дмитрий. — Если он убийца, то он может напасть на тебя прямо там.

— Я знаю, но я не могу сидеть, сложа руки, — ответила Анна. — Ты сам сказал, что мы будем действовать вместе. Если ты боишься, можешь остаться здесь, но я пойду.

Дмитрий посмотрел на неё долгим взглядом, затем улыбнулся уголками губ.

— Ты невыносима, знаешь? Но я не позволю тебе идти одной. Мы пойдём вместе. Если Маслов причастен, я буду рядом, и мы выберемся. А если нет — по крайней мере, мы проверим эту версию.

Они допили чай, и Анна почувствовала, что глаза слипаются. Дмитрий уложил её на диван, заботливо укрыв пледом и погасил свет.

— Спи, — сказал он. — Завтра будет тяжёлый день.

Анна закрыла глаза, но сон не шёл. Она слышала, как Дмитрий ходит по комнате, шелестит бумагами, затем садится в кресло и, судя по звукам, начинает что-то читать. Она думала о Мальцеве, о его мёртвом лице, о пентаграмме, о записке. И о том, что завтра она встретится лицом к лицу с тем, кто всё это сделал.

Внезапно она услышала слабый шум — скрежет, как будто кто-то пытался открыть входную дверь. Она насторожилась, приподнялась на локте. Шум повторился — более настойчивый. Дмитрий тоже услышал, он встал и бесшумно подошёл к двери, прислушиваясь. Затем он обернулся к Анне и приложил палец к губам.

Анна затаила дыхание. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его стук слышен во всей квартире. Скрежет прекратился, но затем раздался тихий, едва различимый звук — что-то просунули в щель под дверь. Через секунду послышались шаги, удаляющиеся вниз по лестнице.

Дмитрий выждал минуту, затем осторожно приоткрыл дверь. На пороге лежал белый конверт. Он поднял его, занёс в комнату и включил свет.

— Открой, — прошептала Анна, садясь на диване.

Дмитрий разорвал конверт и вытащил листок. Там было написано всего несколько слов, но они заставили Анну похолодеть:

«Ты прячешься в мышиной норе, но я найду тебя. Ты уже в моём списке. Завтра ты умрёшь».

Дмитрий сжал бумагу в кулаке.

— Мы едем к Маслову сейчас, — сказал он твёрдо. — Пока он не знает, что мы его раскусили. И мы должны опередить его. Собирайся, Анна. Время идёт против нас.

Анна вскочила, её сон как рукой сняло. Она быстро оделась, и через пять минут они уже были в машине, мчащейся по ночной Москве к Синодальной библиотеке. Сзади за ними, как будто в отражении зеркала заднего вида, мелькнул чей-то автомобиль, приглушивший фары. Он держался на расстоянии, но не отставал.

— Он следит за нами, — сказала Анна, глядя в зеркало.

Дмитрий посмотрел в зеркало и выругался.

— Держись, — сказал он и резко нажал на газ, вписываясь в поворот на красный свет. Сзади раздался визг тормозов, но преследователь не отстал.

Гонка только началась. И впереди, в тёмном здании библиотеки, их ждала разгадка — или смерть.

Глава 3. Ночной визит в Синодальную

Москва, улица Пятницкая, 1:30 ночи

Машина Дмитрия влетела в переулок, визжа покрышками по мокрому асфальту. Фонари размазывались в жёлтые полосы за окном, и Анна судорожно вцепилась в ручку двери, чувствуя, как каждый поворот бросает её тело то в одну, то в другую сторону. Сзади, в зеркале заднего вида, мелькали фары преследователя — они не отставали, держались ровно на дистанции в три корпуса, словно хищник, который знает, что жертва устанет первой.

— Он нас не упустит, — выдохнула Анна, не отрывая взгляда от зеркала.

— Знаю, — ответил Дмитрий, его голос был напряжённым, но руки на руле оставались твёрдыми. — Но я знаю этот район. Сейчас мы проедем через арку, и он потеряет нас на секунду. Этого должно хватить.

Он резко крутанул руль вправо, и «Лада» нырнула в тёмный проём между двумя старыми домами. Арка была узкой, почти впритирку, и Анна зажмурилась, ожидая удара, но машина проскочила, оставив на стенах царапины от зеркал. Они вылетели во внутренний двор, затем ещё через одну арку — на параллельную улицу. Дмитрий заглушил двигатель и прижался к бордюру, притушив фары. Тишина накрыла их, нарушаемая только тяжёлым дыханием обоих.

Секунды тянулись бесконечно. Анна смотрела на въезд во двор, ожидая, что вот-вот появятся знакомые фары. Но никто не появился. Машина преследователя, видимо, проехала мимо, не заметив манёвра, или решила, что они ушли в другом направлении.

— Похоже, оторвались, — прошептал Дмитрий, вытирая пот со лба. — Но он знает, куда мы направляемся. Поэтому надо спешить.

— Мы едем в Синодальную библиотеку? — спросила Анна, хотя ответ был очевиден.

— Да. Там ночной сторож — старик Степаныч, он меня знает. Я скажу, что мы срочно ищем архивный документ по моей научной работе. Он пустит, если я дам ему тысячу рублей. И мы пробудем там ровно столько, сколько нужно, чтобы найти личное дело Маслова и понять, где он живёт и что за человек.

Анна кивнула, чувствуя, как адреналин всё ещё бурлит в крови. Она перевела дух и посмотрела на тёмное здание библиотеки, которое возвышалось в конце улицы. Оно было построено в начале XX века, с колоннами и лепниной, и походило скорее на старый особняк, чем на книгохранилище. За его стенами хранились тысячи церковных манускриптов, синодальные архивы, которые не были доступны широкой публике. И именно там, по версии Анны, работал Григорий Маслов.

Они подъехали к ограде и оставили машину в тени. Дмитрий вышел первым, прислушался к ночной тишине. Где-то лаяла собака, но в целом двор был пуст и безлюден. Он подошёл к калитке, которая, как и ожидалось, была заперта, но рядом находилась домофонная панель. Он нажал кнопку вызова — и через несколько секунд раздался сонный голос:

— Кто там в такую-то рань?

— Степаныч, это Орлов, — сказал Дмитрий в динамик. — Тот, что брал у тебя на прошлой неделе дела по Покровскому монастырю. Мне срочно нужно зайти, я забыл одну папку в читальном зале. Завтра утром сдаю отчёт, понимаешь?

Голос на том конце недовольно хмыкнул, но замок щёлкнул, открывая калитку. Дмитрий толкнул её, и они вошли во двор, прошли к главному входу, где их уже ждал седой старик в ватнике, с фонариком в руке.

— Ну, проходите, — буркнул он, впуская их в вестибюль. — Только тихо, не шумите. И чтобы через полчаса вас тут не было. У меня смена до утра, и я не хочу проблем.

— Спасибо, Степаныч, — сказал Дмитрий, сунув ему в руку свёрнутые купюры. — Мы быстро.

Старик покачал головой, но взял деньги и ушёл в свою каморку, оставив их в слабо освещённом холле, пахнущем древним деревом, лаком и затхлостью. Анна оглянулась: везде стояли резные шкафы, на стенах висели портреты патриархов, а в воздухе висела та особая тишина, какая бывает только в библиотеках ночью, когда книги словно дышат, храня свои тайны.

— Где искать архив Маслова? — спросила она шёпотом.

— На втором этаже, в отделе рукописей, — ответил Дмитрий, уже направляясь к лестнице. — Я знаю, где хранятся личные дела сотрудников. У меня есть ключ от того кабинета, я его однажды брал для другой работы.

Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и прошли длинным коридором, заставленным шкафами с папками. Дмитрий остановился у массивной дубовой двери, достал из кармана связку ключей, выбрал один и вставил в замок. Замок щёлкнул, и дверь открылась.

Кабинет был небольшим, заваленным бумагами, с единственным окном, выходящим во двор. На столе стоял старый компьютер, рядом высились стопки книг и папок. Дмитрий включил настольную лампу, и тёплый свет осветил комнату.

— Личные дела хранятся в этом шкафу, — сказал он, указывая на высокий металлический шкаф в углу. — По алфавиту. Надо найти букву «М».

Они подошли к шкафу, Дмитрий открыл его, и перед ними предстали десятки папок, аккуратно подписанных фамилиями. Он быстро нашёл папку «Маслов Г.И.» и вытащил её.

— Тяжёлая, — заметил он, положив папку на стол. — Тут, похоже, не только анкета, но и какие-то приказы, характеристики.

Анна села и открыла папку. Первым шло личное дело: фотография Григория Маслова, мужчины лет сорока пяти, с глубокими морщинами и пронзительным взглядом, коротко стриженный, безбородый, с тонкими губами, сложенными в подобие улыбки. На фото ему было лет тридцать, но даже тогда глаза казались холодными и непроницаемыми.

— Смотри, — сказала Анна, пробегая глазами анкету. — Родился в 1978 году, образование — историко-филологический факультет МГУ, специализация — древнерусские рукописи. Работает здесь с 2005 года. В графе «семейное положение» — холост. Проживает: Москва, улица Мясницкая, дом 15, квартира 8.

— Мясницкая — это недалеко от метро, — заметил Дмитрий. — Старый дом, там раньше были коммуналки. Значит, он живёт один.

Анна перевернула страницу и наткнулась на несколько приказов о выговорах. Оказывается, Маслова несколько раз замечали за нарушением режима хранения рукописей — он брал домой оригиналы документов без разрешения, и ему делали замечания. Также была жалоба от коллеги, что он ведёт себя замкнуто и агрессивно в ответ на вопросы.

— Замкнутый, агрессивный, нарушает правила, — прошептала Анна. — Типичный портрет маньяка-одиночки, который одержим тайной и не позволяет никому приближаться к ней.

— Погоди, — сказал Дмитрий, указывая на одну из бумаг в конце папки. — Смотри, здесь есть копия его завещания. Он всё своё имущество оставляет Синодальной библиотеке, включая личную коллекцию книг и рукописей. И дата подписания — три месяца назад. Как раз перед началом убийств.

Анна сглотнула. Это было странно: зачем человеку, который живёт скромной жизнью архивариуса, составлять завещание? Если только он не знал, что собирается совершить нечто, что может стоить ему жизни, или наоборот — он планировал умереть героем, защищая тайну.

— Это подтверждает, что он готовился к чему-то, — сказала Анна. — Но нам нужно больше. Есть ли в папке что-то, что связывает его с Унгернами или с Мальцевым?

Они перерыли папку вдоль и поперёк, но прямых указаний не нашли. Однако на последней странице они обнаружили листок с написанным от руки списком фамилий, среди которых

были Мальцев, Павлов и ещё три человека — те самые коллекционеры, которые уже были убиты или, возможно, ещё живы. Список был помечен датой — за три дня до первого убийства.

— Вот он, — выдохнул Дмитрий. — Он составлял список жертв. Это план.

Анна дрожащими пальцами сфотографировала список на телефон. Теперь у них было доказательство, что Маслов связан с убийствами. Но им нужно было понять, где он сейчас и как его остановить.

— Надо ехать к нему домой, — сказала Анна. — Он, наверное, уже вернулся, если следил за нами. Мы должны встретиться с ним, пока он не нанёс следующий удар.

— Но если он действительно убийца, он может напасть на нас, — возразил Дмитрий. — Может, сначала сообщить в полицию?

— Волков не поверит без улик, — отрезала Анна. — А у нас есть только список и личное дело. Этого недостаточно. Мы должны поймать его с поличным или найти перстень. Иначе он продолжит убивать.

Дмитрий помолчал, затем вздохнул.

— Ты права. Тогда поехали. Но мы будем осторожны. Если он дома, я позвоню Волкову и скажу, что мы нашли убийцу. А если нет, мы попробуем проникнуть в его квартиру и найти доказательства.

Они аккуратно положили дело на место, закрыли шкаф, погасили лампу и покинули кабинет. На лестнице они встретили Степаныча, который зевал в кулак.

— Всё нашли? — спросил он.

— Да, спасибо, — ответил Дмитрий. — Мы уходим.

Он проводил их до калитки, и они вышли на улицу, в ночную свежесть. Дождь почти кончился, но небо было по-прежнему затянуто тучами. Они сели в машину, и Дмитрий завёл двигатель.

— Мясницкая, пятнадцать, — сказал он, вбивая адрес в навигатор. — Десять минут езды. Держись.

Они поехали по пустынным ночным улицам. Москва в это время казалась вымершей — только редкие такси проносились мимо да грузовики с включёнными фарами. Анна смотрела в окно и думала о том, что они делают. Она, учёный-палеограф, и скромный архивист, превратились в охотников на маньяка. Это было безумно, но другого выхода не было.

Они подъехали к дому на Мясницкой — старой пятиэтажке с облупившимся фасадом, со дворами-колодцами и бродячими кошками. Дмитрий припарковался неподалёку, и они вышли, оглядываясь по сторонам. Было тихо, ни души.

— Квартира восемь, — прошептала Анна. — Третий этаж, левая парадная.

Они вошли в подъезд, пахнувший кислыми щами и кошками. Лифт не работал, пришлось подниматься пешком. На площадке третьего этажа горела тусклая лампочка. Дверь квартиры восемь была старой, обитой дерматином, с навесным замком, который казался довольно надёжным.

Анна приложила ухо к двери и прислушалась. Ни звука.

— Может, его нет, — сказала она.

Дмитрий попробовал нажать на ручку — дверь была заперта. Тогда он достал связку ключей и начал перебирать их, пытаясь подобрать такой, чтобы открыть этот старый замок. Анна удивлённо посмотрела на него.

— Откуда у тебя эти ключи?

— Я раньше работал в ЖЭКе подрабатывал, — смутился Дмитрий. — У нас был набор универсальных отмычек. Не спрашивай, откуда они у меня остались.

Через минуту он нащупал нужный ключ, и замок щёлкнул. Дверь открылась, и они тихо вошли в прихожую, освещённую тусклым светом из приоткрытой комнаты. В квартире пахло ладаном, старыми книгами и чем-то ещё — острым, химическим, как уксус.

Они прошли в гостиную. Это была настоящая библиотека: стены, уставленные книгами до потолка, полки с папками, рулоны свитков, лежащие на полу. В центре комнаты стоял письменный стол, заваленный бумагами. На столе лежала раскрытая тетрадь, исписанная мелким, аккуратным почерком.

Анна подошла к столу и начала читать. Это был дневник. Первая запись была сделана больше года назад и начиналась со слов: *«Они оскверняют наследие. Я должен остановить их. Кольцо не должно быть продано, оно не должно быть выставлено на показ. Оно должно быть уничтожено вместе с теми, кто знает о нём»*.

Сердце Анны забилося чаще. Это было признание. Каждая следующая запись описывала, как Григорий следил за коллекционерами, как он планировал их убийства. Он называл их «ворами» и «лжецами», утверждал, что они присвоили себе то, что по праву принадлежит его роду — потомкам Мартина Маслова.

— Смотри, — показала Анна Дмитрию. — Здесь всё описано. Это его план. Он убил Мальцева, Павлова, и планирует убить ещё троих.

Дмитрий взял тетрадь и начал листать дальше. В конце он нашёл свежую запись, датированную сегодняшним днём:

«Анна Штерн — учёная, которая наткнулась на письмо Фауста. Она хочет разоблачить тайну, опубликовать её. Этого нельзя допустить. Она умрёт сегодня ночью, вместе со своим помощником Орловым. Я слежу за ними. Они уже в моём доме».

Анна застыла, как вкопанная. Она медленно обернулась — и увидела, что в дверях гостиной стоит мужчина. Высокий, худой, с горящими глазами и занесённым над головой ножом. Это был Григорий Маслов, точь-в-точь как на фотографии, только старше и злее. Он смотрел на них с холодной улыбкой.

— Я знал, что вы придёте, — произнёс он голосом, лишённым всяких эмоций. — Вы думали, что я в библиотеке или на улице, но я был здесь, в своём убежище, ждал вас. Вы сделали то, что я предсказывал. Теперь вы умрёте.

Дмитрий мгновенно заслонил собой Анну. Он выхватил из кармана баллончик с газом — тот самый, который дал Анне на случай, когда они ехали к Маслову, и нажал на распылитель прямо в лицо нападавшему. Григорий закашлялся, пошатнулся, но не упал. Он взмахнул ножом, и Дмитрий успел отшатнуться, но лезвие задело его плечо, рассекая кожу. Кровь брызнула на стены.

— Беги! — закричал Дмитрий, отталкивая Анну в сторону выхода.

Но Анна не побежала. Она схватила тяжёлую старую книгу с полки и изо всех сил швырнула её в Григория. Книга попала ему в грудь, и он на мгновение потерял равновесие. Этого хватило, чтобы Дмитрий успел подхватить Анну за руку и вытащить её в прихожую.

Они вылетели на лестничную клетку, захлопнули дверь за собой, и Дмитрий накинул цепочку, которую они сорвали при входе, стараясь задержать маньяка хотя бы на несколько секунд. Внизу, на лестнице, уже раздавались быстрые шаги — кто-то поднимался на шум.

— Сюда! — крикнула Анна, замечая, что из соседней квартиры выглядывает испуганная женщина. — Помогите, там убийца!

Но женщина тут же захлопнула дверь. На лестнице послышался топот — и из темноты показались двое полицейских в форме. Это был Волков со своим напарником — они прибыли по вызову соседей, которые услышали шум.

— Что здесь происходит? — рявкнул Волков, поднимаясь к ним.

— Там Маслов, он убийца! — выдохнула Анна. — Он в квартире, у него нож!

Волков не стал задавать вопросов. Он выхватил пистолет и приказал напарнику выбить дверь. Внутри раздался крик, звук падения, затем выстрел. Анна зажмурилась. Когда она открыла глаза, дверь была открыта, и Волков уже стоял над телом Григория Маслова, который лежал на полу, держась за окровавленную грудь. Нож валялся рядом.

— Он мёртв? — спросил Дмитрий, прижимая руку к плечу, из которого сочилась кровь.

— Жив, — ответил Волков, опуская пистолет. — Но ранен. Мы вызвали скорую. А вы, — он посмотрел на Анну и Дмитрия, — сейчас оба поедете в больницу. И после этого расскажете мне всё, что здесь нашли.

Анна прислонилась к стене, чувствуя, как ноги подкашиваются. Плечо Дмитрия было в крови, но он старался держаться. Она взяла его за руку.

— Мы сделали это, — прошептала она. — Мы остановили его.

Но внутри неё не было радости. Только пустота и осознание, что это только начало. Дневник, который она видела, содержал не только признания, но и упоминания о том, что кольцо всё ещё существует и что оно спрятано в каком-то тайнике. И Маслов, если он выживет, может рассказать, где его искать. Или нет.

Волков вывел их из квартиры и повёл вниз, где уже собиралась толпа соседей и подъезжала скорая. Анна мельком увидела, как Маслова выносят на носилках — он был бледен, но глаза его были открыты и смотрели прямо на неё с ненавистью.

Когда её усаживали в машину, чтобы отвезти в больницу для осмотра, она почувствовала, как телефон вибрирует в кармане. Она достала его и увидела сообщение от неизвестного номера: *«Ты думаешь, что победила? Кольцо уже не у Маслова. Я всё знаю о тебе. Скоро встретимся».*

Анна сжала телефон так, что побелели пальцы. Значит, за всем этим стоит кто-то ещё. Кто-то, кто управлял Григорием, или кто занял его место. И она снова оказалась в центре опасности, где правда и ложь переплелись в клубок, который можно разорвать только ценой собственной жизни.

Скорая тронулась, увозя её от дома Мясницкая, но в зеркале заднего вида она видела, как из тени вынырнул чёрный автомобиль и бесшумно двинулся вслед за ними. Он держался на расстоянии, но был неотступен, как тень.

Анна закрыла глаза и прошептала:

— Дмитрий, за нами снова кто-то следит. Это не конец.

Дмитрий, уже пришедший в себя, посмотрел в зеркало, и его лицо стало серьёзным.

— Мы знаем, что делать, — сказал он. — Мы найдём того, кто стоит за всем этим. Даже если нам придётся перевернуть всю Москву.

Машина скрылась за поворотом, оставляя за собой ночной город, полный тайн и смертельных загадок.

Глава 4. Больничный коридор и новые вопросы

**Городская клиническая больница № 67, Москва,
2 часа ночи**

Запах антисептика и хлорки ударил в нос, как только Анна переступила порог приёмного покоя. Скорая помощь прибыла через десять минут, но ей показалось, что прошла вечность. Дмитрий сидел рядом на каталке, сжимая окровавленное плечо, его лицо было бледным, но глаза оставались ясными. Анна держала его за руку, чувствуя, как холодные пальцы дрожат, но не от боли — от напряжения, которое всё ещё не отпускало их.

— Ну и ночка, — выдохнул Дмитрий, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Я не думал, что наш научный интерес приведёт нас к перестрелке.

— Приведёт, если ты будешь шутить, — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал бодро, хотя внутри всё сжималось. — Лежи спокойно, сейчас тебя зашьют.

Врач — молодой, лет тридцати, с усталыми глазами — осмотрел рану и кивнул.

— Поверхностное, мышцы не задеты, но крови много. Наложу швы, через неделю снимете. Никаких физических нагрузок, понял?

— Я архивист, моя нагрузка — переворачивать страницы, — усмехнулся Дмитрий. — Справлюсь.

Анну тоже осмотрели: ушиб на руке, которую она повредила, когда хваталась за дверной косяк, и лёгкое сотрясение от падения. Врач посоветовал наблюдение, но отпустил домой. Когда они вышли из процедурного кабинета, в коридоре их уже ждал Волков — хмурый, в расстёгнутом пальто, с кругами под глазами.

— Живы? — спросил он без предисловий.

— Живы, — ответила Анна. — А Маслов?

Волков вздохнул, провёл рукой по коротко стриженному затылку.

— В реанимации. Одно лёгкое прострелено, но жить будет. Правда, говорить пока не может — дали наркоз, операция. Придётся подождать до завтра или послезавтра. Но вы, — он посмотрел на них с подозрением, — вы мне должны рассказать всё, что нашли в его квартире. И главное — как вы вообще вышли на него?

Анна переглянулась с Дмитрием. Она чувствовала, что пришло время сказать правду, но не всю. Полиция всё ещё может рассматривать их как подозреваемых, и если она расскажет про дневник, где они были названы "жертвами", то это может быть использовано против них.

— Мы нашли его через личное дело в Синодальной библиотеке, — начала она осторожно. — У нас была версия, что убийца связан с родом Масловых — потомков секретаря Унгерна. Я сегодня днём нашла письмо Фауста, в котором упоминалась эта фамилия. Дмитрий помог мне проверить архивы. В личном деле Маслова был список фамилий, совпадающих с жертвами. Мы поехали к нему домой, чтобы проверить, и он напал на нас.

Волков прищурился.

— Прямо так всё и было? Вы случайно нашли убийцу за один день?

— Не случайно, — твёрдо сказала Анна. — Я целенаправленно искала связь между печатью на телах и архивными документами. Это моя работа — искать закономерности в истории. Вы же сами сказали, что у меня нет мотива убивать. Зато у Маслова он есть. Он считал себя хранителем тайны кольца, и он убивал тех, кто, по его мнению, осквернял эту тайну.

Волков помолчал, затем кивнул.

— Допустим. Но у нас есть одна проблема. В квартире Маслова мы нашли только его дневник и оружие. Никакого кольца, никакого перстня, о котором вы говорили. Он пустой футляр. Может, он его продал, может, спрятал. Мы обыщем всё помещение, но если кольцо существует, оно не у него. И это значит, что за ним могут охотиться другие.

Анна вспомнила сообщение на телефоне: *«Кольцо уже не у Маслова. Я всё знаю о тебе. Скоро встретимся»*. Её рука невольно сжала телефон в кармане. Она не показала его Волкову, потому что боялась, что тот отстранит её от дела. Но теперь она понимала, что должна действовать.

— Я знаю, — сказала она. — У Маслова мог быть сообщник. Или кто-то, кто использовал его как пешку. В его дневнике есть намёки на то, что он не один.

— Дайте мне доказательства, — сказал Волков. — Иначе я не могу начать второе расследование, пока мы не закрыли дело по Мальцеву.

— У меня есть фотографии дневника, — сказал Дмитрий, который уже немного пришёл в себя и держал свой телефон в здоровой руке. — Я сфотографировал несколько страниц до того, как всё началось. Там есть упоминания о ком-то, кого он называет "Куратор". Я не успел прочитать всё, но это явно кто-то ещё.

Волков взял телефон, пролистал фотографии, и его брови полезли на лоб.

— "Куратор"? — переспросил он. — Звучит как название организации. Может, это какой-то клуб коллекционеров? Или секта?

— Или просто псевдоним, — предположила Анна. — Нам нужно найти этого "Куратора". Если он знает о кольце, то он может быть опаснее Маслова. Маслов был исполнителем, но кто-то мог его направлять.

Волков вернул телефон Дмитрию.

— Хорошо. Я дам вам доступ к материалам дела, но только в рамках консультации. Вы работаете как эксперты, понятно? Никаких самостоятельных поездок по ночным библиотекам и квартирам маньяков. Если вы ещё раз полезете на рожон, я вас арестую.

— Мы поняли, — сказала Анна, хотя в душе уже строила планы.

Волков ушёл, оставив их в коридоре. Анна села на скамью рядом с Дмитрием и устало выдохнула. Наконец-то они остались одни.

— Ты в порядке? — спросил Дмитрий, касаясь её плеча. — Ты побледнела.

— Я просто устала, — ответила Анна. — И боюсь. Если "Куратор" существует, он знает про нас. Он знает, где мы были сегодня. И он знает, где мы живём.

— Но теперь мы под защитой, — возразил Дмитрий. — Волков поставит охрану у твоего дома. Мы в безопасности.

Анна покачала головой.

— Ты сам говорил, что в нашем деле "неудобные факты" могут стоять жизни. Если кто-то стоит за Масловым, он не остановится, потому что Маслов в больнице. Он найдёт другого исполнителя. Или приедет сам.

Она замолчала, чувствуя, как накатывает волна беспомощности. Её научный интерес, её любопытство, которое она считала безобидным, привело к тому, что она оказалась на линии огня. Но она понимала, что не может остановиться — слишком многое поставлено на карту.

— Дмитрий, — сказала она тихо, — в дневнике, который я читала, была фраза: "Кольцо не в золоте, а в знании. Истинный хранитель не тот, кто владеет им, а тот, кто понимает его смысл". Я думаю, что настоящее кольцо — это не физический предмет. Это нечто вроде шифра или ключа. И Маслов, возможно, не убивал за само кольцо, а за информацию о нём.

— То есть, он уничтожал коллекционеров, потому что они могли знать секрет, который он считал принадлежащим его семье? — переспросил Дмитрий.

— Именно. И если это так, то тот, кто сейчас ищет кольцо, может не нуждаться в самом артефакте. Ему нужны мы — те, кто может расшифровать письмо Фауста. Мы — ключи.

Дмитрий задумался, затем кивнул.

— Тогда мы должны опередить его. Мы должны найти то, что скрыто в письме, до того, как он найдёт нас.

Они решили, что завтра с утра отправятся в архив и попытаются найти любые дополнительные записи, связанные с Унгернами, которые могли бы указать, что именно скрыто в кольце. А пока — нужно было привести мысли в порядок.

Анна попросила у врача разрешение на короткое время побыть в палате, где лежал Дмитрий, чтобы они могли обсудить план. Палата оказалась двухместной, но соседняя койка была пуста. Дмитрий лёг, опираясь на подушку, а Анна села рядом на стул.

— У тебя есть идеи, что могло быть внутри той гравюры? — спросил он.

— Может быть, это не гравюра, а карта, — ответила Анна. — Или схема. Унгерны были алхимиками, они любили шифры. Может быть, кольцо было не перстнем, а ключом к какому-то месту.

Она взяла свой блокнот и принялась рисовать символы, которые видела на печати в письме и на телах жертв. Перевернутая пентаграмма, круг, а внутри странная вязь, которую она не могла прочесть.

— Смотри, — сказала она, показывая рисунок Дмитрию. — В центре не просто звезда. Посмотри на линии: они переплетаются, образуя буквы. Может быть, это монограмма? Инициалы?

Дмитрий прищурился, поправил очки, которые съехали на кончик носа.

— Похоже на латиницу, но с примесью греческого. Я не силён в таких вещах, но... подожди, у меня есть одна книга по герметической символике в моей домашней библиотеке. Я как-то купил её на букинистическом. Если я не ошибаюсь, там есть раздел о кольцах и печатях. Завтра я принесу её в архив.

Анна почувствовала прилив надежды.

— Хорошо. А пока я попробую найти упоминание о "Кураторе" в интернете. Может, это какой-то исторический персонаж или псевдоним, который использовали в документах.

Она достала ноутбук, который чудом уцелел в сумке, и открыла поисковик. Набрав "Куратор" и "Унгерн", она нашла несколько ссылок на старые форумы коллекционеров. Один из них, закрытый, требовал пароль. Она попыталась взломать его, но безуспешно.

— Нужно найти кого-то, кто состоит в этом сообществе, — сказала она. — Или получить доступ через Маслова. Может быть, у него есть контакты на телефоне.

— Полиция уже изъяла его телефон, — напомнил Дмитрий. — Мы не можем его достать. Но мы можем расспросить его, когда он очнётся.

Анна кивнула, но понимала, что время уходит. Она снова посмотрела на сообщение, которое пришло ей на телефон: *«Я всё знаю о тебе. Скоро встретимся»*. Номер был скрыт, но она заметила, что сообщение пришло с городского кода Москвы. Значит, "Куратор" был рядом.

— Дмитрий, — сказала она, — я думаю, что "Куратор" — это кто-то из нашего окружения. Кто-то, кто видел мою статью или мои запросы. Или кто-то, кто знал о Маслове и воспользовался его фанатизмом.

— Ты думаешь, это кто-то из архива? — спросил Дмитрий.

— Возможно. Или кто-то из коллекционеров, с кем я не встречалась. Нам нужно проверить всех, кто знал о письме Фауста. Я показывала его только тебе, но кто-то мог видеть мои записи на столе или мои черновики. Или у меня мог быть кто-то в гостях.

Она задумалась, перебирая в памяти всех, кто бывал в её квартире за последние месяцы. Коллеги по институту, реставраторы, курьер из типографии... Слишком много людей. Слишком сложно.

— Нам нужен другой подход, — сказал Дмитрий. — Мы должны найти физическое доказательство существования кольца. Если оно где-то спрятано, то его можно найти по записям. Унгерны должны были оставить какие-то карты или планы.

Они проговорили ещё час, строя теории и обсуждая детали, пока, наконец, силы не покинули их. Дмитрий закрыл глаза и почти сразу уснул, утомлённый болью и потерей крови. Анна

сидела рядом, глядя на его спокойное лицо, и думала о том, как этот застенчивый архивист стал её самой большой опорой в этом кошмаре. Она чувствовала, что её чувства к нему становятся глубже, но сейчас не время думать об этом.

Она вышла в коридор, чтобы подышать воздухом. В ночной больнице было тихо — только редкие шаги медсестёр и писк аппаратов в палатах. Она подошла к окну, из которого открывался вид на спящий город. Москва была залита жёлтым светом фонарей, редкие машины проезжали по пустым улицам.

И вдруг она заметила, что на противоположной стороне улицы, у обочины, стоит знакомая чёрная машина. Та самая, которая преследовала их от дома Маслова. Анна похолодела. Она не могла ошибиться — она запомнила её приметы: приспущенное левое переднее колесо, потёртость на правом крыле. Машина стояла с потушенными фарами, но внутри, в кабине, мелькнул огонёк — кто-то курил.

Анна отпрянула от окна, спрятавшись за штору. Сердце забилося как бешеное. Они снова следили за ними. Даже в больнице. Даже под защитой Волкова.

Она тихо вернулась в палату, разбудила Дмитрия.

— Он здесь, — прошептала она. — Чёрная машина снаружи. За нами следят.

Дмитрий мгновенно проснулся, несмотря на боль. Он приподнялся на локте, взглянул в окно, но не увидел машину из-за угла.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я видела эту машину, когда мы уезжали от Маслова. Она нас не оставляет. Нам надо срочно что-то предпринять.

— Позвони Волкову, — сказал Дмитрий. — Пусть он отправит патруль.

Но Анна покачала головой.

— Если мы вызовем полицию, машина уедет, и мы снова потеряем след. Нам нужно узнать, кто в ней сидит. Я пойду вниз и попробую подойти поближе.

— Нет! — резко сказал Дмитрий. — Это слишком опасно. Если это "Куратор", он может быть вооружён.

— Тогда пойдём вместе, — сказала Анна. — Мы возьмём такси и попробуем проследить за ним до места. В крайнем случае, вызовем полицию по дороге.

Дмитрий нехотя согласился. Они оделись, тихо вышли из палаты, прошли мимо дежурной медсестры, которая дремала за стойкой, и выскользнули через боковой выход во двор. Там они взяли такси, и Анна сказала водителю:

— Видите ту чёрную машину на углу? Поезжайте за ней, но не приближайтесь. Я заплачу вдвойне.

Таксист, молодой парень с азиатской внешностью, удивлённо посмотрел на неё, но, увидев её испуганное лицо, кивнул. Они тронулись, и чёрная машина, заметив их, тоже начала движение, но не спеша, словно дразня.

Гонка началась снова. По ночной Москве, по пустынным улицам, они петляли за чёрным автомобилем, который словно водил их по кругу, не давая оторваться, но и не уходя в отрыв. Анна сжимала телефон, готовая набрать 112 в любой момент.

— Он ведёт нас куда-то, — сказала она. — Он хочет, чтобы мы следовали за ним.

— Тогда пусть ведёт, — ответил Дмитрий. — Мы должны узнать, куда он нас приведёт.

Машина свернула на набережную и поехала вдоль Москвы-реки. Ночной пейзаж открывался за окнами — Кремль, освещённый огнями, мосты, отражающиеся в тёмной воде. Чёрный автомобиль замедлился и остановился у одного из старых мостов. Анна и Дмитрий вышли из такси, и таксист, не желая связываться, уехал.

Они стояли на пустой набережной, глядя, как чёрная машина стоит неподвижно, и из неё никто не выходит. Анна сделала шаг вперёд, но Дмитрий схватил её за руку.

— Не подходи, — прошептал он.

Но в этот момент дверца чёрного автомобиля открылась, и из неё вышел мужчина. Он был высок, в длинном пальто, с лицом, скрытым тенью от фонарей. Он не приближался, а просто стоял и смотрел на них. Через мгновение он поднял руку — и в ней, в свете уличных фонарей, блеснуло что-то металлическое. Кольцо.

Затем он повернулся, сел обратно в машину, и она бесшумно уехала в ночь, оставив их стоять на мосту, сбитых с толку, напуганных, но с одной мыслью: он показал им кольцо. Он знает, что они ищут. И он приглашает их к следующему раунду.

Анна повернулась к Дмитрию, её глаза горели решимостью.

— Мы нашли его, — сказала она. — Или он нашёл нас. Это только начало.

Она достала телефон и набрала сообщение Волкову: "Чёрная машина, номер ... преследовала нас. Покажите нам, кому она принадлежит. Мы хотим знать, кто играет с нами".

Ответ пришёл через минуту: "Будьте осторожны. Я проверяю".

Анна убрала телефон и посмотрела в ночное небо. Где-то там, среди огней большого города, скрывался тот, кто держал в руках не просто кольцо, а ключ к тайне, которая могла стоить им жизни. И она знала — завтра они начнут охоту. Но теперь уже не они были жертвами. Они стали охотниками.

Глава 5. Утро после кошмара

Квартира Дмитрия Орлова, Москва,

8:00 утра, следующий день

Серый октябрьский свет сочился сквозь тонкие шторы, ложась на пол бледными полосами. Анна открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Чужой потолок, чужие книги на стеллажах, запах кофе и старой бумаги — затем воспоминания нахлынули лавиной: Мальцев, окровавленный в своей гостиной, ночной визит в Синодальную библиотеку, схватка с Григорием Масловым, больница, чёрная машина на набережной, мужчина с кольцом. Она села на диване, чувствуя, как каждый мускул болит от напряжения прошедшей ночи.

Дмитрий уже не спал. Она слышала его шаги на кухне, звон посуды, тихое бормотание — он, кажется, разговаривал сам с собой. Анна накинула кардиган, который он дал ей вечером, и прошла на кухню. Дмитрий стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Его плечо было замотано свежим бинтом, поверх которого он натянул старенькую фланелевую рубашку. Увидев Анну, он улыбнулся — устало, но тепло.

— Доброе утро. Я сварил овсянку. Ты, наверное, голодна.

Анна удивлённо подняла брови.

— Ты умеешь готовить?

— Умею, когда есть силы, — ответил Дмитрий. — И когда есть для кого. Садись, поешь. Нам сегодня много предстоит.

Она села за маленький кухонный стол, и Дмитрий поставил перед ней тарелку с дымящейся кашей, положил рядом ломоть чёрного хлеба и налил чай. Всё это было так по-домашнему, так нормально, что Анна на мгновение забыла о кошмарах прошлой ночи.

— Спасибо, — сказала она, делая глоток горячего чая. — Ты хорошо выглядишь для человека, которого порезали несколько часов назад.

— Адреналин всё ещё в крови, — усмехнулся Дмитрий. — И ещё я просматривал твои фотографии с письма Фауста. Знаешь, я кое-что нашёл. Не основное, но важное.

Он достал свой ноутбук, открыл файл с фотографией печати, которую сфотографировал в Синодальной библиотеке.

— Я увеличил изображение и сравнил с другими гербами Унгернов, которые у меня есть в электронной библиотеке. Смотри — вот эта перевёрнутая пентаграмма, она не просто так перевёрнута. В герметической традиции перевёрнутая звезда означает не сатанизм, как многие думают, а... нисхождение духа в материю. Это алхимический символ, означающий воплощение, овеществление идеи.

— То есть кольцо — это не магический предмет, а материальный объект, в котором заключена идея? — переспросила Анна.

— Именно. И я думаю, что настоящий секрет кольца — не в самом перстне, а в том, что написано внутри него. В письме Фауста говорится о "семи печатях", которые нужно прочесть. Может быть, это не семь физических печатей, а семь слоёв смысла. Или семь ключей к расшифровке.

Анна отложила ложку и взяла ноутбук. Она взглядела в увеличенное изображение печати и заметила то, что упустила раньше: между линиями пентаграммы были выгравированы крошечные буквы, почти неразличимые невооружённым глазом.

— Смотри, — показала она Дмитрию. — Здесь буквы. М. А. S. I. И ещё какой-то символ, похожий на древнегреческую сигму. Может быть, это аббревиатура? МАСИ? Или имя?

Дмитрий нахмурился, затем его лицо просветлело.

— Мартин Алоизиус Сигизмунд... Маслов? Нет, это не Маслов. Это Мартин Алоизиус Сигизмунд Унгерн? Постой, я где-то видел это сочетание. В одном из документов, который я

переписывал для каталога. Там было упоминание о каком-то Мартине Унгерне, который был алхимиком при императорском дворе в Праге.

— Значит, это не просто секретарь, а родственник, — сказала Анна. — Или даже сам барон. Может быть, это и есть создатель кольца?

Они переглянулись. Новая зацепка открывала путь к неизведанной территории. Если Мартин Унгерн был создателем кольца, то, возможно, он оставил следы в других архивах, не только в письме Фауста. Или, что ещё важнее, у него могли быть потомки, которые не пресеклись. И вот этот таинственный "Куратор" из дневника Маслова мог быть одним из них.

— Нам нужно найти родовое древо Унгернов, — сказала Анна. — Не только по мужской линии, но и по женской. Может быть, у них остались потомки в Москве или Петербурге, которые могут знать о кольце.

— Я знаю, где искать, — ответил Дмитрий. — В Центральном историческом архиве Москвы есть фонд по остзейским дворянским родам. Там есть метрические книги, завещания, семейные хроники. Если у Унгернов есть потомки, они должны быть там зафиксированы. Но это займёт время.

— У нас нет времени, — сказала Анна, вспоминая чёрную машину и загадочного мужчину с кольцом. — Этот человек знает, кто мы. Он следит за нами. Он показал нам кольцо — но не отдал. Он играет с нами.

Дмитрий вздохнул, поставил свою чашку на стол.

— Тогда мы должны быть умнее. Мы не будем ждать — мы поедem в архив сразу после завтрака. Я позвоню своему знакомому, который там работает, и попрошу доступ к метрическим книгам. Только надо быть осторожными — если "Куратор" следит за нами, он узнает, что мы там.

— У меня есть идея, — сказала Анна. — Мы разделимся. Я поеду в архив, а ты останешься здесь и попытаешься выйти на "Куратора" через интернет. Может быть, он оставил цифровые следы. Или мы можем проверить, кто из коллекционеров имел доступ к письму Фауста до меня.

Дмитрий поморщился, но кивнул.

— Я не хочу, чтобы ты ездила одна. Но ты права — так у нас будет больше шансов. Я дам тебе номер моего друга, его зовут Виктор, он заведует отделом рукописей в ЦИАМе. Он поможет тебе.

Он написал на листке номер телефона и сунул Анне в руку. Анна спрятала бумажку в карман джинсов и встала, собираясь идти.

— Возьми мой баллончик, — сказал Дмитрий, протягивая ей маленький красный баллончик. — И будь на связи. Звони мне каждые полчаса. Если я не отвечу — значит, у меня проблемы.

— Договорились, — сказала Анна, чувствуя, как тепло разливается в груди от его заботы.

Она вышла из его квартиры, осторожно оглядываясь по сторонам. На площадке никого не было. Она спустилась по лестнице, прошла через двор и вышла на улицу, где взяла такси до Центрального исторического архива. По пути она несколько раз оглядывалась, пытаясь заметить знакомую чёрную машину, но её не было.

Архив располагался в старом здании недалеко от метро, с высокими потолками и лепниной на фасаде. Анна предъявила пропуск, который Дмитрий успел для неё оформить ранее, и прошла в читальный зал. Она нашла Виктора, который оказался молодым человеком с рыжей бородкой, в очках-половинках, очень похожим на Дмитрия по манере говорить.

— Анна? Дмитрий звонил. Он сказал, что вам нужны метрические книги по Унгернам. У нас есть несколько томов, но они не оцифрованы. Придётся работать с оригиналами.

Он проводил её в хранилище, где стояли высокие стеллажи с пыльными папками. Он нашёл нужный том — толстый, в кожаном переплёте, с обтёртыми уголками — и положил его на стол.

— Это метрические книги за 1820–1850 годы. Там могут быть записи о рождении, браках и смерти. Если Унгерны переселились в Москву, они обязательно здесь отмечены.

Анна поблагодарила его и углубилась в работу. Страницы были исписаны старым почерком, на немецком и русском языках, с витиеватыми буквами. Она нашла несколько записей о рождении детей в семье Унгернов, но затем внимание привлёк один документ — завещание барона Конрада Унгерна, датированное 1890 годом.

В завещании, помимо обычного перечисления имущества, была странная приписка на латыни: «*Veritas in anulo celata est, sed non in auro, sed in verbis*» — «Истина скрыта в кольце, но не в золоте, а в словах». И ниже — подпись: «*Куратор*».

Анна замерла. Вот оно! В завещании барона Унгерна уже упоминался "Куратор". Но кто он был? Сам барон? Или кто-то, кому он поручил хранить тайну?

Она сфотографировала страницу и позвонила Дмитрию.

— Я нашла кое-что, — сказала она, стараясь скрыть волнение. — В завещании барона Унгерна есть упоминание "Куратора". И фраза на латыни: "Истина скрыта в кольце, но не в золоте, а в словах".

— Это совпадает с тем, что я нашёл, — ответил Дмитрий, и его голос звучал напряжённо. — Я проверил несколько интернет-форумов коллекционеров. Есть закрытый чат, в котором обсуждают "Кольцо Фауста". Один из участников под ником "Curator" часто писал о том, что настоящий секрет — в тексте, а не в перстне. Я попытался узнать его IP, но он использует анонимайзер. Однако он оставил одну ссылку — на антикварный магазин на Покровке. Владелец магазина — некто Глеб Барсов.

— Барсов? — переспросила Анна. — Я никогда о нём не слышала.

— Он не коллекционер в крупном смысле, скорее перекупщик, но у него есть доступ к редким вещам. Может быть, это он — "Куратор". Или он знает его.

Анна почувствовала, что они выходят на новый круг. Антикварный магазин на Покровке — это всего в двадцати минутах ходьбы от архива. Она могла бы зайти туда прямо сейчас.

— Я поеду к нему, — сказала она.

— Нет, подожди, — запротестовал Дмитрий. — Сначала я свяжусь с Волковым. Пусть он проверит этого Барсова. Если он "Куратор", он может быть опасен.

— Если Волков вмешается, Барсов испугается и исчезнет, — возразила Анна. — Я просто зайду, как обычный покупатель, и попробую выведать, что он знает. Если будет опасно, я сразу уйду. Обещаю.

Дмитрий нехотя согласился, но потребовал, чтобы она держала телефон на связи. Анна пообещала и, выйдя из архива, направилась в сторону Покровки.

Магазин, который она нашла, оказался маленьким, неприметным, с вывеской "Старина". Витрина была заставлена старыми подсвечниками, чернильными приборами, медными монетами. Внутри пахло воском, старым деревом и дорогими сигарами. За прилавком сидел мужчина лет пятидесяти, худощавый, с сединой на висках, в дорогом костюме. Он поднял глаза, когда Анна вошла.

— Чем могу помочь? — спросил он с лёгкой улыбкой.

— Мне сказали, что у вас есть старые книги и документы, — сказала Анна, стараясь говорить непринуждённо. — Меня интересуют рукописи по алхимии. В частности, связанные с Унгернами.

Мужчина на мгновение замер, но затем его улыбка стала шире.

— Унгерны? Редкая тема. У меня есть пара писем из их коллекции. Правда, это не оригиналы, а копии. Но если вам интересно, я могу показать.

Он поднялся и прошёл в заднюю комнату. Анна ждала, чувствуя, как сердце бьётся быстрее. Вернулся он с небольшой папкой, из которой достал несколько пожелтевших листов. Она взяла их, делая вид, что читает, хотя на самом деле её взгляд скользил по комнате, ища что-то — может быть, тот самый футляр для кольца, который упоминал Волков.

— Вы долго занимаетесь коллекционированием? — спросила она, пытаясь завязать разговор.

— Больше двадцати лет, — ответил Барсов. — Но Унгерны — это особая тема. Там есть одна тайна, которая будоражит умы многих. Кольцо Фауста.

Анна насторожилась. Он сам заговорил об этом. Значит, он знает.

— Вы знаете, где оно сейчас? — спросила она как можно беззаботнее.

Барсов усмехнулся, встал и подошёл к витрине, где стояли мелкие украшения. Он взял одно из них — маленький серебряный перстень — и показал Анне.

— Вот, например, это кольцо — подделка XIX века. Многие гонятся за ним, но настоящего никто не видел. Я слышал, что недавно кто-то пытался его продать, но сделка сорвалась. Коллекционеры боятся связываться — говорят, что это проклятие.

— Проклятие? — переспросила Анна.

— Ну, вы же знаете, что случилось с Мальцевым и Павловым, — тихо сказал Барсов. — Это не просто совпадение. Кто-то очень хочет, чтобы кольцо не попало в чужие руки. И я, честно говоря, не хочу иметь с этим дел.

Анна поняла, что он не "Куратор". Он был просто торговцем, который боялся. Но он мог знать, кто стоит за этим.

— Кто, по-вашему, мог быть заинтересован в срыве сделок? — спросила она.

Барсов замялся, затем наклонился к ней и почти шёпотом сказал:

— Есть один человек... Он не называет своего имени, но он часто приходит ко мне, интересуется теми же вещами, что и вы. Он всегда платит наличными, никогда не оставляет контактов. Но у него есть одна особенность — он носит старинный перстень с пентаграммой. Точно такой, как на гравюре.

Анна похолодела.

— Вы знаете, как его найти?

— Он сказал, что живёт в старом доме на Остоженке. Но я не знаю точно номер. Он всегда приходил сам, никогда не давал адреса. Но однажды я видел, как он садится в такси с номерным знаком ... — Барсов замолчал, задумываясь. — Нет, я забыл.

Анна достала телефон и показала Барсову своё удостоверение научного сотрудника.

— Послушайте, я работаю с полицией над этим делом. Если вы вспомните что-то ещё, позвоните мне. Это может спасти жизни.

Барсов побледнел, но кивнул. Анна вышла из магазина и сразу набрала Дмитрия.

— Он не "Куратор", но он видел его. Кольцо действительно существует. Барсов говорит, что он живёт в доме на Остоженке.

— Я знаю такой дом, — ответил Дмитрий. — Это старый особняк, который принадлежал купеческой семье. Там сейчас коммуналки, но есть одна квартира, которая числится за неким Смирновым. Может быть, это псевдоним. Я попытаюсь пробить его по базам.

В этот момент Анна услышала знакомый звук — шум мотора, который остановился неподалёку. Она обернулась и увидела чёрную машину, которая стояла у обочины. Дверца открылась, и из неё вышел тот самый мужчина — высокий, в длинном пальто. Он не двигался, просто стоял и смотрел на неё, держа в руках что-то, блестящее на солнце. Кольцо.

Анна застыла. Он не приближался, не говорил, просто держал кольцо в руке, а затем медленно надел его на палец. Этот жест был настолько демонстративным, что она поняла: он хочет, чтобы она увидела. Он владеет кольцом. Он — тот, кого она ищет.

Он улыбнулся, повернулся и сел обратно в машину. Машина тронулась, но Анна, не думая, бросилась за ней, выбегая на проезжую часть. Она мчалась следом, пытаясь разглядеть номерной знак, и наконец, запомнила его — Т 456 XX.

Машина скрылась за поворотом. Анна остановилась, переводя дыхание, и набрала Дмитрия.

— Я видела его! Он был здесь. У него кольцо! Номер машины — Т 456 XX. Он уехал в сторону Остоженки.

— Я уже звоню Волкову, — сказал Дмитрий. — Мы его поймем.

Но Анна знала, что он не даст себя поймать. Он хотел, чтобы она видела его. Это была игра. И она была готова в неё играть.

Она вернулась на тротуар, чувствуя, как адреналин снова закипает в крови. Она знала, куда ей теперь нужно. На Остоженку, к тому особняку. И она не поедет туда одна. Но сначала — она должна сказать Дмитрию, чтобы он был готов.

Глава 6. Остоженка и призраки прошлого

Москва, улица Остоженка, 11:30 утра

Анна не стала ждать Дмитрия. Ждать было некогда — Куратор только что уехал, и если она промедлит хоть на минуту, след остынет. Она поймала проезжающее такси и назвала адрес: Остоженка, дом, который ей назвал Барсов. Таксист, пожилой мужчина с уставшим лицом, кивнул и тронулся.

Она сидела на заднем сиденье, сжимая телефон в руке и глядя на номер машины Куратора, который она успела запомнить: Т 456 ХХ. Она уже отправила его Дмитрию и Волкову, но знала, что это вряд ли поможет — машина, скорее всего, числится на подставное лицо или угнана. Но адрес, который дал Барсов, был реальным. Она чувствовала это нутром.

Дорога заняла пятнадцать минут. Остоженка — одна из самых старых улиц Москвы, с купеческими особняками, пережившими и революцию, и войну, и лихие девяностые. Дом, к которому она подъехала, выглядел как типичная московская достопримечательность: двухэтажный, с лепниной, с большими окнами, за которыми угадывались высокие потолки. Но в отличие от соседних зданий, которые были отреставрированы и превратились в офисы или музеи, этот дом казался заброшенным. Штукатурка осыпалась, ставни были плотно закрыты, а на двери висел большой замок.

Анна подошла ближе и заметила, что замок не заперт — он просто накинут на скобу, создавая видимость закрытости. Она осторожно сняла его и толкнула тяжёлую дубовую дверь, которая со скрипом открылась внутрь.

Вестибюль встретил её запахом пыли, сырости и запустения. Пол был покрыт толстым слоем грязи, по стенам висели паутины, и только следы на полу — свежие отпечатки мужских ботинок — указывали на то, что здесь кто-то был совсем недавно. Анна включила фонарик на телефоне и пошла по следу, стараясь ступать бесшумно.

Следы вели в большую гостиную, обставленную старинной мебелью под белыми чехлами. В центре комнаты стоял массивный дубовый стол, заваленный бумагами, картами и фотографиями. Анна подошла к столу и начала разбирать бумаги. Это были копии тех самых документов, которые она видела в архиве, но здесь были и новые материалы — письма на немецком, планы зданий, какие-то схемы с химическими формулами.

Она взяла одну из фотографий и обомлела. На ней был изображён мужчина в старинном костюме — тот самый барон Унгерн, чей портрет она видела в метрической книге. Рядом с ним стоял другой мужчина, чуть моложе, с пронзительными глазами и такой же холодной улыбкой, как у сегодняшнего Куратора. Сходство было поразительным. Это явно были потомки.

— Так вот кто ты, — прошептала Анна, разглядывая фотографию. — Ты — наследник рода Унгернов.

И в этот момент она услышала звук — тихий скрип половиц откуда-то сверху. Она замерла. Кто-то был на втором этаже. Или, может быть, Куратор не уехал, а остался здесь, чтобы ждать её.

Она медленно поднялась, оставляя вещи на столе, и направилась к лестнице. Ступени были старые, скрипучие, и каждый шаг отдавался эхом в пустом доме. Она старалась ступать на края, где доски меньше скрипели, но всё равно казалось, что её приближение слышно за километр.

На втором этаже было несколько комнат. Одна из них, судя по всему, служила кабинетом. Дверь в неё была приоткрыта, и из-за неё пробивался слабый свет. Анна подошла, заглянула внутрь и увидела свечу, стоящую на столе, и рядом с ней — раскрытую книгу в кожаном переплёте. Кто-то явно недавно был здесь.

Она вошла в кабинет. Вдоль стен стояли шкафы, заполненные папками и старинными книгами. На столе лежала карта Москвы конца XIX века, на которой красным карандашом были отмечены какие-то точки. Одна из них была именно здесь, на Остоженке, другая — рядом с Синодальной библиотекой, третья — на Покровке, четвёртая — где-то за городом.

Анна подошла ближе, чтобы рассмотреть карту, и заметила, что на полях у карты аккуратным почерком выведено: *«Семь ключей — семь мест. Только тот, кто соединит их, найдёт истину»*. Она сфотографировала карту на телефон, а затем перевела взгляд на книгу. Это был дневник, который, судя по почерку, был написан тем же человеком, что и завещание в архиве. Первая страница гласила: *«Я, Конрад Унгерн, оставляю это послание потомкам. Тот, кто прочтёт его, должен продолжить дело. Кольцо — это не цель, а средство. Сокровище — не золото, а знание»*.

Анна читала дальше. Дневник описывал, как Унгерн создал сеть тайников по всей Москве, в каждом из которых хранилась часть информации о кольце и его истинной сути. Эти тайники были связаны с семью старыми зданиями, которые существовали ещё в XIX веке. И только тот, кто соберёт все семь ключей, сможет раскрыть окончательную тайну.

Но что это за тайна? Анна перелистала дневник и нашла записи, которые говорили о «великом обмане» и о том, что кольцо Фауста было создано не для магии, а для того, чтобы скрыть нечто гораздо более важное. Что-то, что могло изменить историю Европы.

Внезапно она услышала шаги — но теперь не сверху, а снизу, в вестибюле. Кто-то вошёл в дом. Анна схватила дневник, сунула его в рюкзак и быстро выключила фонарик. Она замерла в темноте кабинета, пытаясь определить, сколько людей внизу.

Шаги были уверенными, неторопливыми. Они приближались к лестнице. Анна прижалась к стене за дверью, надеясь, что она не заметят. Но шаги остановились прямо у входа в кабинет. Затем дверь медленно открылась, и в проёме показался силуэт высокого мужчины в длинном пальто.

— Я знаю, что ты здесь, Анна, — раздался знакомый голос. Спокойный, глубокий, с лёгкой хрипотцой. — Не нужно прятаться. Я не причиню тебе вреда. Я хочу поговорить.

Анна затаила дыхание. Она узнала этот голос — тот самый мужчина с кольцом на набережной. Он стоял прямо перед ней, но она не могла разглядеть его лица в темноте.

— Кто вы? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Зачем вы всё это делаете?

Мужчина усмехнулся, сделал шаг вперёд и зажёл старую керосиновую лампу, стоявшую на столе. Свет осветил его лицо — худощавое, с глубокими морщинами вокруг глаз, с сединой в короткой стрижке. Ему было около пятидесяти, но глаза его оставались молодыми и живыми. Он был одет в дорогое, но простое пальто, на пальце левой руки переливалось тёмное металлическое кольцо с перевёрнутой пентаграммой.

— Меня зовут Арсений Рязанцев, — представился он. — Я владелец галереи «Эрмитаж XXI», но это только прикрытие. Настоящая моя работа — хранить наследие рода Унгернов. Я — Куратор.

Анна отшатнулась. Арсений Рязанцев? Она слышала это имя — крупный антиквар, владелец нескольких галерей, известный в узких кругах. Но она никогда не видела его вживую. И он был тем самым «Куратором»?

— Вы убили Мальцева и остальных? — спросила она, сжимая рюкзак с дневником.

Арсений покачал головой, его лицо стало серьёзным.

— Нет. Я не убивал. Я только искал кольцо, чтобы спасти его от тех, кто хотел бы его уничтожить. Мальцев и другие коллекционеры продавали поддельные копии, выдавая их за подлинники, и наживались на этом. Но я не имею отношения к их смерти. Это дело рук Маслова — он был моим помощником, но он пошёл слишком далеко. Он стал фанатиком и начал убивать.

— Но вы же использовали его! — воскликнула Анна. — Он делал это для вас!

— Я не просил его убивать, — твёрдо ответил Арсений. — Я просил его найти и сохранить кольцо, чтобы оно не попало в руки мошенников. Но он истолковал мои слова по-своему. Он решил, что нужно не только сохранить, но и наказать всех, кто причастен. Я пытался остановить его, но было поздно.

Анна смотрела на него, пытаясь понять, врёт он или говорит правду. Его голос звучал убедительно, но она знала, что манипуляторы всегда так говорят. И всё же в его словах была логика: Маслов был одержим идеей «чистки», и его дневник подтверждал, что он действовал самостоятельно, хотя и упоминал «Куратора» как вдохновителя.

— Зачем вы показывали мне кольцо на набережной и здесь, у магазина? — спросила она.

— Я хотел, чтобы вы поняли: я не враг, — сказал Арсений. — Я хотел привлечь ваше внимание, показать, что я тоже ищу правду. Вы нашли письмо Фауста — это было знаком. Вы можете расшифровать то, что не смогли расшифровать мы с Масловым. Вы — ключ к тайне.

Он замолчал, затем добавил:

— Кольцо, которое вы видели, — настоящее. Я нашёл его в одном из тайников, но оно не единственное. Существуют семь копий, и только одна из них подлинная. Остальные — подделки, которые создавали сами Унгерны, чтобы сбить с толку охотников за сокровищами. Настоящее кольцо содержит шифр, который ведёт к главному сокровищу — не золоту, а знанию.

— Знание о чём? — спросила Анна.

— О происхождении рода Унгернов, — ответил Арсений. — О том, как они связаны с тайными обществами Европы, с масонами, с орденом тамплиеров. Это знание может перевернуть историю, если его обнародовать. Но оно также может погубить многих, если попадёт в руки тех, кто использует его во зло.

Анна задумалась. Всё, что он говорил, было настолько невероятным, что походило на правду. Но она не могла верить ему. Слишком много смертей произошло по вине его «помощника». И слишком много совпадений.

— Если вы действительно хотите помочь, — сказала она, — почему вы не пришли к полиции? Почему вы играете в прятки?

— Потому что полиция не поймёт, — усмехнулся Арсений. — Они увидят только маньяка и убийцу, а не хранителя наследия. А если я раскрою себя, всё, что я защищал, будет утеряно. Вы должны помочь мне, Анна. Расшифруйте дневник Конрада Унгерна. Найдите остальные шесть ключей. И тогда я покажу вам настоящее кольцо.

Анна колебалась. Она чувствовала, что он говорит искренне, но в то же время её интуиция кричала об опасности. Она вспомнила слова Дмитрия: «Не доверяй никому, кроме нас». И она решила, что не будет принимать решений сама.

— Я подумаю, — сказала она. — Я свяжусь с вами, если соглашусь.

Арсений кивнул и протянул ей визитку.

— Вот мой номер. Позвоните мне, когда будете готовы. Но помните: времени мало. Тот, кто заказал убийства, ещё не найден. Маслов был только пешкой. Настоящий заказчик действует из тени, и он знает о кольце не меньше нашего.

Он развернулся и бесшумно покинул кабинет. Анна осталась одна, сжимая визитку и чувствуя, как сильно колотится сердце. Она выбежала из дома, на ходу доставая телефон, чтобы набрать Дмитрия.

— Он был здесь! — выпалила она, когда он ответил. — Это Арсений Рязанцев, антиквар. Он Куратор. Он говорит, что не убивал, что Маслов действовал сам. И он хочет, чтобы я помогала ему искать остальные тайники.

— Ты ему поверила? — спросил Дмитрий, голос его звучал напряжённо.

— Частично, — ответила Анна. — Но у меня есть дневник Конрада Унгерна и карта Москвы с отмеченными тайниками. Я приеду, и мы всё проверим. Встретимся у тебя.

— Я уже у выхода из архива, — сказал Дмитрий. — Жду.

Она села в такси и через двадцать минут уже была у его дома. Дмитрий ждал на скамейке у подъезда, бледный, с тёмными кругами под глазами, но сосредоточенный. Увидев её, он поднялся и улыбнулся.

— Ну и ну, — сказал он. — Ты нашла Куратора, разговорила его и получила дневник. Это успех.

— Это ещё не всё, — сказала Анна и рассказала ему о семи тайниках, о карте и о том, что Арсений предложил ей сотрудничать.

Дмитрий выслушал её, не перебивая, затем медленно покачал головой.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал он. — Он появился именно тогда, когда мы нашли его. Он дал тебе дневник и карту, но не сказал, где остальные ключи. Он хочет, чтобы ты сделала всю работу за него, а потом он придёт и заберёт всё.

— Возможно, — согласилась Анна. — Но у нас нет другого выхода. Если мы сможем опередить его и найти тайники первыми, мы сможем контролировать ситуацию.

Они поднялись в квартиру, и Анна разложила дневник и карту на столе. Дмитрий склонился над картой, изучая отмеченные точки.

— Смотри, — сказал он. — Одна из точек находится за городом, в районе Архангельского. Там есть старый дом, который принадлежал купцу Морозову. Если верить карте, там может быть один из ключей.

— Значит, мы едем туда, — сказала Анна.

— Не сейчас, — остановил её Дмитрий. — Сначала нужно подготовиться. Я позвоню Волкову и скажу, что у нас есть новые данные. Пусть он даст нам разрешение на поиски. Иначе если нас поймают, мы сами окажемся в тюрьме.

Она нехотя согласилась. Дмитрий позвонил Волкову, который, к его удивлению, отнёсся к новости серьёзно и даже пообещал выделить машину для поездки. Казалось, что дело сдвинулось с мёртвой точки.

Но когда они собирались, Анна снова получила сообщение. Она открыла телефон и прочитала: *«Ты встретишься с Куратором. Он твой враг. Не верь ему. Я знаю, где истинный ключ. Встретимся у памятника Пушкину завтра в полночь. Приходи одна».*

Номер был незнакомым. Анна показала сообщение Дмитрию. Тот нахмурился, прочитал и перечитал.

— Это не Маслов — он в больнице. Кто тогда?

— Тот, кого мы ищем, — ответила Анна. — Настоящий заказчик. Тот, кто стоит за спиной Куратора и Маслова.

Она сняла телефон и посмотрела в окно. Стемнело, зажигались фонари, а внизу, у подъезда, она снова заметила тень чёрной машины, которая уже не двигалась и не пряталась. Она стояла и ждала.

Анна поняла: их игра вышла на новый уровень. И завтра, в полночь, у памятника Пушкину, она узнает, кто на самом деле держит нити этого кровавого клубка. Но она не была уверена, что придёт одна.

Глава 7. Полночь у памятника

Москва, улица Тверская, 23:45

Осенняя ночь опустилась на Москву плотным, холодным покрывалом. Тверская, обычно шумная и многолюдная, в этот час выглядела почти безлюдной — только редкие такси проносились мимо, да пьяные компании изредка пересекали улицу, громко смеясь и не обращая внимания на двух человек, стоящих в тени старого тополя у памятника Пушкину.

Анна и Дмитрий приехали за час до назначенного времени. Дмитрий настоял на том, чтобы не ждать до полуночи — нужно было осмотреться, найти укрытие, понять, кто может прийти. Анна спорила, говорила, что таинственный незнакомец требовал, чтобы она была одна, и если он увидит Дмитрия, то не выйдет на контакт. Но Дмитрий был непреклонен.

— Ты что, серьёзно думаешь, что я позволю тебе встречаться с неизвестным маньяком в полночь у памятника? — спросил он, когда они выходили из машины. — Я буду поблизости, но так, чтобы он меня не видел. Если что — я вмешаюсь.

Анна вздохнула, но не стала спорить. Она знала, что он прав. И в глубине души ей было спокойнее знать, что он рядом.

Они распределили позиции: Анна встала у самого памятника, делая вид, что рассматривает телефон, а Дмитрий затаился за скамейкой в сквере, в двадцати метрах, в тени старых кустов. Свет уличных фонарей падал на бронзовую фигуру Пушкина, придавая ей почти живой вид. Анна смотрела на часы: было без десяти двенадцать.

Она перебирала в голове варианты. Кто мог прислать то сообщение? Номер был скрыт, голос в сообщении — только текст. Но тон был уверенным, почти приказным. *«Я знаю, где истинный ключ. Встретимся у памятника Пушкину завтра в полночь. Приходи одна»*. Этот человек знал о её встрече с Куратором. Знал, что она нашла дневник. Знал, что она в центре событий. И он не боялся — он сам назначал встречу.

В 23:55 она услышала шаги. Ритмичные, спокойные, уверенные. Из-за угла вышел мужчина — невысокий, коренастый, в тёмном пальто и кожаных перчатках. Лицо его скрывала тень от надвинутой кепки, но походка выдавала человека, привыкшего к власти. Он остановился в десяти шагах от Анны и поднял голову.

— Анна Штерн? — спросил он голосом, который показался ей смутно знакомым. Глухим, с лёгкой хрипотцой, но не злым — скорее усталым.

— Да, — ответила она, стараясь не показывать страха. — Я здесь. Кто вы?

Мужчина шагнул ближе, и свет фонаря упал на его лицо. Это был человек лет шестидесяти, с седыми висками, глубокими морщинами у рта и пронзительными серыми глазами. Анна замерла — она видела это лицо раньше. На фотографиях в архиве. Это был... Конрад Унгерн? Нет, он умер в 1910-х. Но сходство было поразительным.

— Меня зовут Леонид Унгерн, — сказал он. — Я потомок рода Унгернов, и я знаю всё о кольце. В отличие от Куратора, я не хочу использовать его ради наживы. Я хочу его уничтожить.

Анна опешила. Ещё один Унгерн? Ещё один хранитель тайны?

— Подождите, — сказала она, пытаясь собраться с мыслями. — Арсений Рязанцев тоже называет себя Куратором и говорит, что он хранитель. А вы говорите, что хотите уничтожить кольцо. Кто из вас говорит правду?

Леонид Унгерн усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Рязанцев — самозванец. Он не имеет отношения к нашему роду. Он антиквар, который узнал о кольце от одного из моих родственников и решил использовать это для своих целей. Маслов был его пешкой, но он не знал, что Рязанцев просто играл им, чтобы найти все семь тайников и завладеть полным знанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.